

Самсон и его женщины

Мы будем читать только те части повествования о Самсоне, которые связаны с женщинами. Мифы о рождении Самсона и о том, как Самсон погиб, обрушив храм Дагона на самого себя и на филистимлян, остаются за кадром.

Женитьба Самсона (текст 1.13¹)

וַיֵּרֶד שָׁמְשׁוֹן תְּמַנְתָּה

Самсон пришел (букв. «спустился») в Тимну.

Тимна (совр. Тель Баташ) — город в Шефеле. Это область низких холмов, расположенных между горами и прибрежной равниной. В горах жили иудеи, на равнине — филистимляне, а низкие холмы Шефелы были пограничной территорией, здесь жили и те, и другие. Всего в 5,5 км к западу от Тель Баташа находился город Экрон, столица одного из филистимских государств. Итак, действие происходит на стыке «своего» и «чужого» миров.

וַיֵּרָא אִשָּׁה בְּתַמְנַתָּה מִבְּנוֹת פְּלִשְׁתִּים:

וַיַּעַל וַיֵּגֵד לְאָבִיו וּלְאִמּוֹ וַיֹּאמֶר אִשָּׁה רָאִיתִי בְּתַמְנַתָּה מִבְּנוֹת פְּלִשְׁתִּים וְעַתָּה קְחוּ-אֹתָהּ לִי לְאִשָּׁה:

וַיֹּאמֶר לוֹ אָבִיו וְאִמּוֹ הֲאִין בְּבָנוֹת אַחֲיָד וּבְכָל-עַמִּי אִשָּׁה כִּי-אֲתָה הוֹלֵךְ לְקַחַת אִשָּׁה מִפְּלִשְׁתִּים הָעַרְלִים

Он увидел в Тимне одну женщину, филистимлянку. Он вернулся и сказал отцу с матерью: «Я видел в Тимне одну женщину, филистимлянку. Так вот, возьмите ее мне в жены». Отец с матерью сказали: «Неужели среди твоих соплеменниц, у моего народа нет женщин, раз ты идешь за женой к необрезанным филистимлянам?»

Мы привыкли воспринимать обрезание как специфически еврейский обычай, отличающий евреев от всех остальных. Но на Древнем Востоке обрезание не было исключительной особенностью евреев. Оно существовало у жителей Сирии уже в III тыс. до н. э. В Библии «необрезанными» регулярно называются не любые иноплеменники, а именно филистимляне. Возможно, это отличало их от остальных жителей древней Палестины и поэтому постоянно упоминается в Библии как особенная отвратительная черта именно этого народа. Т. е. «необрезанный филистимлянин» это примерно как «жид пархатый» и т. п.

О патриархально-ксенофобском страхе перед Чужой Женщиной мы уже говорили в связи с запретом жениться на «хеттских» (т. е. местных) девушках. Мы обсуждали соответствующие тексты из книг Эзры и Неемии и из книги Притчей².

Мы говорили и о том, что в основе рассказа об отправке Иакова к Лавану лежит очень древний (восходящий к архаическим брачным обычаям) и распространенный сюжет о героическом сватовстве. Герой должен отправиться далеко, в тридевятое царство, чтобы свататься к тамошней царевне. Этот сюжет мы хорошо знаем не только в эпосе, но и в сказках. Он включает конфликт с тестем, соперниками. Часто надо решить трудную задачу (допрыгнуть до окна царевны или совершить что-то еще невероятное). Если мы сопоставим миф о сватовстве Самсона с сюжетом о героическом сватовстве, то увидим, что сватовство Самсона — «неправильное», стандартная сюжетная схема здесь реализуется некорректно. Хотя Самсон отправляется за невестой в чужой город, но он идет не в далекий чужой город вроде Харрана, а к ближайшим соседям. Филистимляне — просто чужаки и враги, а не породненный с «нами» клан. Ничего хорошего такой брак не обещает.

Иаков отправлялся к Лавану с ведома и по благословению отца. Здесь же родители протестуют и указывают сыну на нарушение границ. Я имею в виду на этот раз границы дозволенного, границы существующего порядка, но они здесь связаны с географическими.

וַיֹּאמֶר שָׁמְשׁוֹן אֶל-אָבִיו אֹתָהּ קַח-לִי כִּי-הִיא יְשָׁרָה בְּעֵינַי:

Самсон сказал отцу: «Возьми мне в жены эту! Она мне понравилась».

Самсону напоминают о границах, но Самсон не обращает внимания: нету для него границ. Это не значит, что он либеральный и просвещенный человек, который выше этнических предрассудков: просто он, как мы увидим, не склонен воспринимать всерьез какие бы то ни было границы и условности. Мы говорили о

¹ Подборка текстов: http://files.eshkolot.ru/04.12.16_3.pdf

² См. <http://files.eshkolot.ru/jacob-esau.pdf>

том, что парадоксальное поведение, нарушение норм — черта трикстера. Причем это может быть как проявлением сознательной хитрости (случай Иакова), так и проявлением глупости или наивности (случай Исава). Отличить первый случай от второго не всегда легко. Почему Самсон игнорирует границу, на которую ему указывают родители? Он хитрит или просто не понимает? Во всяком случае, он ведь себя парадоксально.

וְאָבִיו וְאִמּוֹ לֹא יָדְעוּ כִּי מִיְהוָה הִיא
כִּי־תֵאָנֵה הוּא־מְבַקֵּשׁ מִפְּלִשְׁתִּים

Отец с матерью не знали, что все это устроил Яхве: он искал повода для стычки с филистимлянами. Кто ищет повода для стычки: Самсон или Яхве? Похоже, что Яхве! Он здесь сугубо этнический бог, не поднимающийся над уровнем разборок «наших» с «ненашими». Кроме того, он здесь оказывается главным трикстером. Он действует как интриган, задача которого — поссорить два народа.

וּבַעֲתָ הַהִיא פְּלִשְׁתִּים מְשָׁלִים בְּיִשְׂרָאֵל:

(В ту пору филистимляне властвовали над израильтянами.)

Тут можно было бы задаться вопросом, когда же, в какую «пору» филистимляне властвовали над Израилем. Но мне кажется, что такой наивно-историзирующий подход к мифу ведет в тупик. Мы видели, что миф об Иакове и Исае начинался со старшинства Исава, предка эдомитян, и с того, что старшинство нужно у него отобрать. Но это не значит, что когда-то в историческом прошлом Эдом сначала был главным, а потом лишился главенства. Это скорее означает, что в настоящем (т. е. когда миф рассказывается) еврейская община ощущает страх перед сильным Эдомом. Пытаясь преодолеть этот страх, она рисует себе некое идеальное будущее, когда «мы» будем главнее Эдома и вообще всех народов. Так и здесь. Фраза «в ту пору филистимляне властвовали над израильтянами» означает в переводе с мифологического языка примерно следующее: «Сейчас мы очень боимся и ненавидим наших западных соседей-филистимлян, нам кажется, что они хотят нами помыкать. И вот мы сейчас расскажем себе историю о том, как они над нами в какую-то незапамятную пору уже властвовали, но наш бог послал нам крутого героя Самсона, который крошил этих филистимлян как капусту». То, что я говорю, — не отказ от исторического анализа библейского повествования. Это как раз попытка исторического анализа. Но не наивного прочтения самой фабулы мифа как истории (когда филистимляне властвовали над Израилем? в каком году Иаков сварил похлебку для брата?). Осмысленнее будет задаться вопросом, на какую историческую ситуацию откликается миф. Точнее, откликается этим мифом его создатель — определенное человеческое общество. И здесь мы опять возвращаемся к теме ресентимента, к ощущению, что маленькие мы окружены большими и страшными врагами. Оно сложилось, видимо, постепенно в ходе войн, аннексий, депортаций. Мы видели, что ненависть к Эдому может быть реакцией на эдомизацию юга Иудеи в период после вавилонского завоевания, т. е. с конца VI в. до н. э. Можем ли мы хотя бы гипотетически указать подобное событие, повлиявшее на отношение к филистимлянам? Понятно, что в истории двух соседних народов могло быть много неприятных моментов, и обо многих мы просто не знаем по скудости источников. Тем не менее можно вспомнить, что ассирийский царь Синаххериб, подавив восстание иудейского царя Хизкии (Езекии) в 701 г. до н. э., передал западную Иудею, т. е. Шефелу, трем филистимским царям:

Города его, которые я захватил, отделил я от его страны и Метинти, царю Ашдода, Пади, царю Экрона, и Цилли-Белу, царю Газы, отдал и уменьшил его страну.

В этот исторический момент или в последовавший за тем период, когда Шефела была подвластна филистимлянам, у иудеев могло возникнуть ощущение, что «филистимляне нами правят». Отсюда потребность в мифе о том, как наш герой в незапамятном прошлом уже однажды показал этим филистимлянам, почем фунт лиха. Это было давно, но «можем повторить».

וַיֵּרֶד שִׁמְשׁוֹן וְאָבִיו וְאִמּוֹ תְּמַנְתָּהּ וַיָּבֵאוּ עַד־פְּרָמִי תְּמַנְתָּהּ וְהָיָה כְּפִיר אֲרָיוֹת שָׁאֵן לְקִרְאָתוֹ:⁵

Самсон отправился в Тимну вместе с отцом и матерью. Когда они дошли до виноградников Тимны, навстречу Самсону, рыча, появляется молодой лев.

По дороге к невесте Самсон совершает подвиг, вроде бы не имеющий отношения к цели путешествия. Но его можно понять как испытание силы жениха. Герой должен показать, что он действительно герой и достоин руки царевны. Конечно, это было бы яснее, если бы будущий тесть сказал Самсону: «Победи сначала льва». А так получается, что Самсон проходит испытание, но втайне: семья невесты о нем не знает, только мы, читатели, знаем.

Подвиг героя перед свадьбой встречается не только в мировом фольклоре, но и в некоторых библейских текстах. Возьмем того же Иакова. В тех мифах, которые мы читали, он вроде бы вовсе не богатырь, а маменькин сынок. Но сразу, как только он приходит в город Лавана, он совершает богатырский подвиг, отваливая камень от колодца (текст 1.4).

וַיֵּרָא וְהִנֵּה בְּאֵר בַּשָּׂדֶה וְהִנֵּה-שָׁם שְׁלֹשָׁה עֲדָרֵי-צֹאן רֹבְצִים עָלֶיהָ כִּי מִן-הַבְּאֵר הָיָה יֹשְׁקוּ הָעֲדָרִים וְהָאֶבֶן
גְּדֹלָה עַל-פִּי הַבְּאֵר:

וַיִּנְאַסְפוּ-שָׁמָּה כָּל-הָעֲדָרִים וַיִּגְלְלוּ אֶת-הָאֶבֶן מֵעַל פִּי הַבְּאֵר וְהִשְׁקוּ אֶת-הַצֹּאן וְהִשְׁיבוּ אֶת-הָאֶבֶן עַל-פִּי הַבְּאֵר
לְמַקְמָה:

וַיֹּאמֶר לָהֶם יַעֲקֹב אַחֵי מַאֲיֵן אַתֶּם וַיֹּאמְרוּ מִחֶרֶן אֲנַחְנוּ:

וַיֹּאמֶר לָהֶם הִידְעַתֶּם אֶת-לִבְּךָ בֶן-נְחֹר וַיֹּאמְרוּ יָדָעְנוּ:

וַיֹּאמֶר לָהֶם הַשְׁלוֹם לוֹ וַיֹּאמְרוּ שְׁלוֹם וְהִנֵּה רָחֵל בְּתוֹ בְּאֵה עִם-הַצֹּאן:

וַיֹּאמֶר הֵן עוֹד הַיּוֹם גְּדוֹל לֹא-עֵת הָאֶסֶף הַמְקַנָּה הַשְׁקוּ הַצֹּאן וְלִכּוּ רְעוּ:

וַיֹּאמְרוּ לֹא נוֹכַל עַד אֲשֶׁר יֵאָסְפוּ כָּל-הָעֲדָרִים וַיִּגְלְלוּ אֶת-הָאֶבֶן מֵעַל פִּי הַבְּאֵר וְהִשְׁקִינוּ הַצֹּאן:

עוֹדְנוּ מְדַבֵּר עִמָּם וְרָחֵל בְּאֵה עִם-הַצֹּאן אֲשֶׁר לְאֵבִיהָ כִּי רָעָה הִוא:

וַיְהִי כַּאֲשֶׁר רָאָה יַעֲקֹב אֶת-רָחֵל בְּתִלְבָּן אַחֵי אִמּוֹ וְאֶת-צֹאן לְבָן אַחֵי אִמּוֹ וַיִּגַּשׁ יַעֲקֹב וַיִּגְלַל אֶת-הָאֶבֶן מֵעַל פִּי
הַבְּאֵר וַיִּשְׁקֵן אֶת-צֹאן לְבָן אַחֵי אִמּוֹ:

Он увидел в поле колодец, а рядом с ним три стада овец (здесь обычно поили скот). Отверстие колодца было закрыто большим камнем: когда собирались все стада, пастухи откатывали этот камень с отверстия колодца, поили овец, а потом вновь закрывали колодец камнем.

<...>

Иаков сказал:

— До вечера далеко, не время собирать скот. Напоите овец и гоните их на пастбище.

Те отвечали:

— Мы не можем, пока не соберутся все стада. Тогда от колодца откатят камень, и мы напоим овец.

Пока они разговаривали, подошла и Рахиль, ведя овечье стадо своего отца — она была пастушкой.

Увидев Рахиль, дочь своего дяди Лавана, Иаков подошел к колодцу, откатил камень и напоил овец (Быт 29:2-5, 7-10).

Женитьба Моисея тоже начинается с подвига у колодца (текст 1.10).

וַיֵּשֶׁב עַל-הַבְּאֵר: ¹⁶וּלְכֹהֵן מִדִּין שֶׁבַע בָּנוֹת וּתְבֹאנָה וְתִדְלָנָה וְתַמְלָאנָה אֶת-הַרְהֻטִים לְהַשְׁקוֹת צֹאן אֲבִיהֶן:

¹⁷וַיָּבֵאוּ הָרְעִים וַיִּגְרְשׁוּם וַיִּקַּם מֹשֶׁה וַיּוֹשִׁיעֵן וַיִּשְׁקֵן אֶת-צֹאנָם:

Он сел у колодца. А у одного мидьянского жреца было семь дочерей. Пришли они начерпать воды, чтобы наполнить поилки для отцовских овец, но пришли пастухи и стали гнать их прочь. Моисей встал и заступился за девушек, а потом напоил их овец (Исх 2:15-17).

Вернемся к Самсону и льву.

⁶וַתִּצְלַח עָלָיו רוּחַ יְהוָה וַיִּשְׁסַעְהוּ כְּשֶׁסַע הַגִּדִי וּמְאוּמָה אֵין בִּידָו וְלֹא הִגִּיד לְאָבִיו וּלְאִמּוֹ אֵת אֲשֶׁר עָשָׂה:

Дух Яхве охватил Самсона, и Самсон голыми руками разорвал льва на куски, как козленка. Но отцу с матерью он рассказывать об этом не стал.

Убийство льва — классический подвиг героя. Изначально (и это еще видно в греческой мифологии) его смысл — очищение земли от чудовищ, победа над хаосом и установление порядка. Эта деятельность связана с творением и упорядочиванием мира. В библейской мифологии этот мотив тоже есть: в псалмах и других поэтических текстах Библии описывается битва Яхве с Морем, многоглавым драконом, Левиафаном. Но когда в Библии речь идет о деяниях героев, будь то Давид (1 Царств 17:34), его военачальник Бенай (2 Царств 23:20) или Самсон, то космический смысл битвы со зверем здесь уже уходит в глубокий подтекст. Лев здесь — как будто бы просто лев.

Теперь обратим внимание на способ убийства льва: без оружия, голыми руками. В греческой мифологии так убивает Немейского льва Геракл (тексты 4.7-8). Сходство между Самсоном и Гераклом, кстати, отмечалось уже христианскими авторами поздней античности и Средневековья. Например, византийский историк VIII-IX вв. Георгий Синкелл просто отождествляет их друг с другом: «В те времена жил Самсон, у эллинов называемый Гераклом». Дильшат показала³, насколько тесно переплетаются образы Самсона и Геракла в изобразительном искусстве. Во многом это происходит как раз из-за эпизода со львом, хотя мы увидим еще несколько интересных параллелей между мифами об этих героях.

Немейский лев

Лев этот был сверхъестественных размеров, неуязвим ни для железа, ни для меди, ни для камня: одолеть его можно было только силою рук. Чаще всего лев появлялся между Микенами и Немеей в окрестностях горы, которую называют Трет («Прорезанной») из-за ее особенности: у подножья ее находилась длинная сквозная пещера, в которой лев имел обыкновение лежать. Придя в это место, Геракл напал на льва, а когда тот бежал в пещеру, последовал за ним, предварительно завалив противоположный вход, вступил в борьбу со львом и, стиснув ему руками шею, задушил (Диодор Сицилийский «Историческая библиотека», 4.11).

Прибыв в Немею, Геракл отыскал льва и выстрелил в него из лука. Увидев, что лев неуязвим, он поднял дубину и стал его преследовать. Зверь убежал в пещеру, из которой было два выхода. Тогда Геракл завалил камнями один из выходов и, проникнув в пещеру через второй, настиг льва. Ухватив его рукою за горло, он задушил его и, взвалив на плечи, понес в Микены (Аполлодор «Мифологическая библиотека», 2.5.1)

Почему важно, что Самсон и Геракл убивают львов голыми руками? Почему им нельзя воспользоваться оружием? Кстати, каким оружием они могли бы воспользоваться? Основное оружие Геракла — дубина (упоминаемая Аполлодором в отрывке, приведенном выше). Это такой же важный его атрибут, как львиная шкура. А оружие Самсона? Давайте заглянем в следующую главу, где описывается битва Самсона с филистимлянами (текст 1.14).

וַיַּעַל וַיִּנְטֵשׁוּ בְלָחִי: ⁹

וַיִּמְצָא לְחַי־חַמּוֹר טְרִיָּה וַיִּשְׁלַח יָדוֹ וַיִּקְחָהּ וַיִּדְבָּהּ אֶלֶף אִישׁ: ¹⁵

וַיֵּאמֶר שְׂמִשׁוֹן בְּלָחִי הַחַמּוֹר חַמּוֹר חַמְרָתִים בְּלָחִי הַחַמּוֹר הַבֵּיתִי אֶלֶף אִישׁ: ¹⁶

וַיְהִי כִּכְלָתוֹ לְדַבֵּר וַיִּשְׁלַח הַלָּחִי מִיָּדוֹ וַיִּקְרָא לְמָקוֹם הַהוּא רַמַּת לָחִי: ¹⁷

На глаза Самсону попалась еще не высохшая ослиная челюсть. Он взял ее, поднял — и перебил ею тысячу филистимлян. И сказал Самсон:

— Челюстью осла перебил я врагов без числа! Тысячу человек — челюстью осла!

Сказав эти слова, он отбросил ослиную челюсть. А место это так и назвали — Рамат-Лехи (холм Челюсти).

Хотя челюсть упоминается только здесь, европейские художники правильно обратили на нее внимание и сделали таким же фирменным знаком Самсона, как дубина у Геракла. Что общего у дубины и ослиной челюсти? Это не изготовленное человеком оружие, а просто природный объект, попавшийся под руку. Сражаться дубиной, челюстью или просто голыми руками — это значит сражаться как дикарь, еще не придумавший мечей и копий. Самсон наделен некоторыми чертами могучего дикаря вроде Энкиду⁴. Мы видели, что Исав, один из двух близнецов-трикстеров (причем наивный трикстер, в отличие от хитрого трикстера Иакова), был тоже похож на дикаря Энкиду. Он изображался как волосатый «человек поля», который не в состоянии ориентироваться в мире социальных условностей. Самсон — тоже трикстер и тоже несколько асоциален: мы видели, что он не хочет или не может принять во внимание важную границу между своими и чужими, иудеями и «необрезанными филистимлянами». Сходство Самсона с Исавом тем более любопытно, что Самсон — еврейский герой и в этом смысле вроде бы должен соотноситься скорее с еврейским праотцем Иаковом, чем с его братом, первопродком чужого народа.

וַיֵּרֶד וַיִּדְבֵּר לְאִשָּׁה וַתִּישֶׁר בְּעֵינֵי שְׂמִשׁוֹן: ⁷

וַיֵּשֶׁב מִיָּמִים לְקַחְתָּהּ וַיִּסַּר לְרֵאוֹת אֶת מַפְלַת הָאָרֶיָּה וְהִנֵּה עֵדֶת דְּבוּרִים בְּגוֹיֹת הָאָרֶיָּה וַדְּבַשׁ: ⁸

³ Аудиозапись: http://files.eshkolot.ru/lecture_12.07.16.mp3

⁴ Сопоставление Самсона с фольклорно-мифологическим дикарем: G. Mobley. Samson and the Liminal Hero in the Ancient Near East. N. Y. – London, 2006.

Самсон пришел в Тимну и поговорил с той женщиной. Она ему понравилась. Немного спустя Самсон снова пошел туда — взять эту женщину себе в жены. Он свернул посмотреть на убитого им льва и видит: в львином трупе рой пчел и мед.

На самом деле пчелы, в отличие от мух, падаль не любят. Но в древности было очень популярно поверье о самозарождении пчел в трупах. Об этом, в частности, говорит Овидий (текст 4.9):

Но ведь должны доверять мы явлениям, доказанным точно:

Ты не видал, как тела, полежав в растопляющем зное,
Мало-помалу загнив, превращаются в мелких животных?
Сам ты попробуй, зарой бычачью, по выбору, тушу;
Дело известное всем: из гниющей утробы родятся
Пчел-медоносиц рои; как их произведший родитель,
В поле хлопочут, им труд по душе, вся забота их — завтра.

Это «явление, доказанное точно», описывается в мифах и легендах. Самый известный такой миф — об Аристее, который потерял пчел и потом получил свыше указания о том, как их снова завести. См. «Георгики» Вергилия, 4.538слл. (текст 4.10) и «Фасты» Овидия, 1.376-380 (= текст 4.11). Прочитую «Фасты»:

«Хочешь ты знать, говорит, как воротить себе пчел?

Тело убитого ты засыпь землю теленка:

То, о чем просишь меня, даст погребенный телок!»

Делает это пастух, и ползут из теленка гнилого

Пчелы, и тысячи душ рвутся на свет за одну.

Другую легенду см. у Геродота (5:114 = текст 4.12). Есть и соответствующие научные рекомендации пчеловодам (в «Геопониках» 15.2). Надо завести в узкую комнату бычка 30 месяцев от роду, убить и переломать кости, но кровь не выпускать. Закрывать тряпками все отверстия в теле, тщательно замазать дверь и окна. Через три недели впустить воздух, но без сквозняка. Еще через десять дней должны появиться пчелы, а от самого бычка останутся только кости и рога⁵.

Идея в том, что жизнь быка превращается в пчел. Поэтому важно не выпускать кровь (в ней жизнь) и закрыть все выходы (чтобы не отлетела). Получается, что появление пчел и меда в трупе представлялось как метаморфоза умершего животного: быка или, в нашем случае, льва. Лев заново рождается в виде пчел: *mille animas una pecata dedit* «тысячу душ дала одна убитая», так формулирует Овидий. Кстати, у Вергилия в «Энеиде» души, которым предстоит заново вселиться в тела, сравниваются с пчелами (6.707-709 = текст 4.13):

Так порой на лугах в безмятежную летнюю пору

Пчелы с цветка на цветок летают и вьются вокруг белых

Лилий, и поле вокруг оглашается громким гуденьем.

Есть также фрагмент Софокла: «Жужжит мертвых рой и поднимается». Образ души-пчелы встречается в ряде позднеантичных текстов (у Порфирия, где и цитируется этот фрагмент Софокла; в схолиях к «Ипполиту» Еврипида). Изображения пчел находят в античных захоронениях. В современной Европе представление о том, что души покидают мир и возвращаются в него в виде пчел, засвидетельствовано швейцарском Энгадине; в некоторых местах (в Германии, во Франции) пчел полагается утешать, когда умирает их хозяин, или улей покрывают черной тканью в знак траура⁶.

Все это я вспоминаю к тому, что пчела ассоциируется с рождением и смертью, с переходом души в новое тело. Метаморфоза льва, его смерть и появление пчелиного роя, кажется, могут иметь символический смысл: это образ смерти и нового рождения, который важен для переходных обрядов, посвящений — и для героического мифа, который глубоко связан с этими обрядами. Победа надо львом, которым Самсон доказывает, что он действительно герой, и есть своего рода посвящение. Убитый лев и пчелы символизируют самого Самсона, который как бы умирает и заново рождается в новом качестве — в качестве героя.

וַיִּרְדֵּהוּ אֶל-כַּפְּזוֹ וַיִּלְךָ הַלֶּוֹךְ וְאָכַל וַיִּלְךָ אֶל-אֲבִיו וְאֶל-אִמּוֹ⁹

Самсон набрал пригоршню меда и, лакомясь им, пошел к отцу с матерью.

⁵ A. B. Cook. The Bee in Greek Mythology // The Journal of Hellenic Studies 15 (1895), pp. 9-10.

⁶ Там же, p. 23.

Маршрут Самсона неясен. Сначала (ст. 8) он вроде идет к невесте, по дороге сворачивает к трупю льва, но в итоге (ст. 9) попадает почему-то домой. В ст. 10 снова идет к ней. То ли, поев меду, он забыл, куда шел и случайно вернулся домой, то ли он так и ходил с медом в пригоршне сначала к невесте, а потом к родителям. Иногда предполагают, что «взять эту женщину себе в жены» — глосса, в ст. 8 первоначально речь шла о возвращении Самсона из Тимны домой. У меня ощущение, что здесь рассказчик просто немного неряшлив, рассказывает конспективно, не входя в детали, которые ему не кажутся важными. Возможно, это следствие устной манеры повествования.

В греческой мифологии пчелы кормят новорожденного Зевса, а также многих поэтов и мудрецов: Гомера, Пиндара, Менандра, Платона, Софокла, Вергилия⁷. В гомеровском гимне описываются три крылатые девы, посылающие правдивые или ложные пророчества в зависимости от того, поели ли они меда (текст 4.14). Пчелы посвящены музам⁸, а если человеку снится, что он ест мед, то это означает приобщение к философии⁹. Кажется, это все опять ведет к комплексу представлений о посвящении как втором рождении. О посвящении поэта, а первоначально — шамана, пророка. Непосредственная связь меда с переходными обрядами тоже отмечалась: когда на Родосе восьмидневного младенца впервые клали в колыбель, то смачивали ему губы медом¹⁰. В итоге образ Самсона, лакомящегося медом из трупа убитого им льва, можно понять как символический образ героя, прошедшего посвящение.

Кроме того, Самсон не трудится, чтобы произвести пищу, а просто находит ее, т. е. действует опять как дикарь или (что то же самое) человек золотого века. Мы видели, что он сражается без оружия, руками и ослиной челюстью. Питается же он, так сказать, подножным кормом, тем, что дарит ему сама природа. Мед — один из образов райского изобилия, золотого века. В Библии это «земля, текущая молоком и медом». У греков встречается представление о том, что употребление меда в истории предшествовало употреблению вина. Плутарх пишет: «до возникновения виноделия мед служил и для приготовления напитка и для возлияний: еще и теперь те из варваров, которые не умеют делать вино, пьют медовую сыту, умеряя сладкий вкус горькими корнями, придающими ей винную крепость»¹¹. Есть сведения о том, что пифагорейцы воздерживались от вина, но употребляли в пищу мед¹². Самсон — назорей, а назореи не пили вина (см. ниже). Даже мать Самсона, пока она была беременна, должна была воздерживаться от вина и браги. Может быть, мед у Самсона — альтернатива вину, причем подчеркивающая, что Самсон как бы принадлежит эпохе до земледелия. В Библии упоминает клан рехавитов, который не только воздерживается от вина, но и принципиально не занимается никаким земледелием.

וַאֲתֵן לִפְנֵי בְנֵי בֵית־הָרֶכָבִים גְּבַעִים מְלֵאִים יַיִן וְכֶסֶת וְאָמַר אֲלֵיהֶם שְׁתוּ-יַיִן⁵

וַיֹּאמְרוּ לֹא נִשְׁתֶּה-יַיִן כִּי יוֹנֵדֵב בְּזֶרֶק אֲבִינוּ צֹהַ עַלֵּינוּ לֵאמֹר לֹא תִשְׁתוּ-יַיִן אַתֶּם וּבְנֵיכֶם עַד-עוֹלָם⁶

וּבֵית לֹא־תִבְנוּ וְזֶרַע לֹא־תִזְרְעוּ וְכָרֶם לֹא־תִטְעוּ וְלֹא יִהְיֶה לָכֶם כִּי בְּאֶהְלִים תִּשְׁבּוּ כָּל־יְמֵיכֶם לְמַעַן תַּחֲיוּ יָמִים⁷

רַבִּים עַל־פְּנֵי הָאֲדָמָה אֲשֶׁר אַתֶּם גָּרִים שָׁם:

וַנִּשְׁמַע בְּקוֹל יְהוֹנָדָב בְּזֶרֶק אֲבִינוּ לְכֹל אֲשֶׁר צִוָּנוּ לְבַלְתִּי שְׁתוֹת־יַיִן כָּל־יְמֵינוּ אֲנַחְנוּ וְנִשְׁנוּ בְּנֵינוּ וּבְנֹתֵינוּ:

וּלְבַלְתִּי בְנוֹת בָּתָיִם לְשַׁבְתָּנוּ וְכָרֶם וְשָׂדֶה וְזֶרַע לֹא יִהְיֶה־לָּנוּ:

וַנִּשָּׁב בְּאֶהְלִים וַנִּשְׁמַע וְנִעַשׂ כְּכֹל אֲשֶׁר־צִוָּנוּ יוֹנָדָב אֲבִינוּ:

Я поставил перед рехавитами кувшины, полные вина, и чаши. Я сказал им:

— Пейте вино.

Но они ответили:

— Вина мы не пьем. Наш предок Ионадав, сын Рехавы, завещал нам: «Вина не пейте, ни вы, ни ваши дети, вовеки! Домов не стройте, хлеба не сейте, виноградников не сажайте: да не будет у вас этого! А живите всю жизнь в шатрах, и жить вы будете долго на земле, где вы — мигранты». Мы исполняем повеления нашего предка Ионадава, сына Рехавы, — все, что он нам заповедал: ни мы, ни наши жены, ни сыновья, ни дочери наши никогда не пили вина. Мы не строим себе домов, чтобы жить в них, и не

⁷ Тексты перечислены в той же статье Кука (pp. 2-3, 7-8).

⁸ Варрон, *De re rustica* 3.16.7.

⁹ «Одному человеку приснилось, что он макает хлеб в мед и ест. Человек этот принялся изучать философию, преуспел в ней и нажил много денег. Понятно, что мед означал сладость философии, а хлеб — прибыль от нее» (Артемидор, «Толкование снов» 5.83).

¹⁰ Cook. *The Bee in Greek Mythology*, p. 3.

¹¹ «Застольные беседы», 672 В. См. также Cook. *The Bee in Greek Mythology*, p. 21.

¹² Cook. *The Bee in Greek Mythology*, p. 20.

бывает у нас виноградников, полей и посевов. Мы живем в шатрах, совершаем и исполняем все, что нам завещал наш предок Ионадав (Иер 35:5-10).

וַיִּתֵּן לָהֶם וַיֹּאכְלוּ וְלֹא־הִגִּיד לָהֶם כִּי מִגֹּיִת הָאֲרִיָּה רָדָה
הַדְּבָשׁ:

Он угостил их медом, но не сказал, что этот мед он набрал из львиного трупа.

Почему Самсон держит в тайне убийство льва и происхождение меда? Может быть, как раз потому, что они имеют отношение к посвящению, а посвячительные обряды и все, что с ними связано, обычно принято окружать тайной, не разглашать непосвященным.

Резюмирую эпизод со львом, пчелами и медом, как я его понимаю. Самсон убивает льва, потому что герой должен победить чудовище. Тем самым он проходит испытание и посвящение, подтверждает, что он действительно герой. Появление пчел, видимо, символизирует его новое рождение как героя. Он питается медом, как заново рожденный и как причастный новой мудрости. Теперь ему открыта дорога к героическому браку. В то же время Самсон — дикий человек, поэтому он сражается голыми руками, а не оружием, и питается диким медом. Дикость связана с его трикстерством, с асоциальным пренебрежением нормами, а это не сулит ничего хорошего его брачным планам.

¹⁰ וַיֵּרֶד אָבִיהוּ אֶל־הָאִשָּׁה וַיַּעַשׂ שָׁם שְׂמֻשׁוֹן מִשְׁתָּה כִּי בֵן יַעֲשֹׂוּ הַבְּחוּרִים:

¹¹ וַיְהִי כִּרְאוֹתָם אוֹתוֹ וַיִּקְחוּ שְׁלֹשִׁים מְרָעִים וַיְהִי אִתּוֹ:

Отец Самсона пришел в дом той женщины. Самсон устроил там пир, как делают молодые люди. Когда он появился, выбрали тридцать друзей жениха, чтобы они были с ним.

Речь идет не о личных друзьях, а об особой свите жениха, которая ему положена по ритуалу. Дело в том, что у многих народов жених и невеста во время свадьбы представляются царем и царицей и получают свиту. Очевидно, свита состоит из местных, т. е. из филистимлян.

¹² וַיֹּאמֶר לָהֶם שְׂמֻשׁוֹן אֶחָוֶדֶה־נָּא לָכֶם חִידָה אִם־הִגַּדְתֶּם אוֹתָהּ לִי שְׁבַעֶת יָמֵי הַמִּשְׁתָּה וּמִצָּאֲתָם וְנָתַתִּי לָכֶם

שְׁלֹשִׁים סְדִינִים וּשְׁלֹשִׁים חֲלֶפֶת בְּגָדִים:

Самсон сказал им:

— Давайте я загадаю вам загадку! Если за те семь дней, что длится пир, вы разгадаете ее и скажете мне ответ, я дам вам тридцать льняных рубах и тридцать смен одежды. А если не разгадаете, то вы мне дадите тридцать льняных рубах и тридцать смен одежды.

Почему надо загадывать загадку? Нередко существует связь между загадками и переходными обрядами. У некоторых народов принято загадывать загадки во время поминок¹³. Сама загадка представляет собой испытание, и есть мифологические и сказочные сюжеты, в которых не разгадать загадку значит умереть (вспомним сфинкса или Турандот). Загадывание загадок иногда сопровождается особым игровым ритуалом, когда не угадавшего с позором изгоняют¹⁴.

Свадьба — переход в новое состояние, и она требует, как мы видели, предварительного испытания жениха. Мы знаем, что женихам часто нужно решать трудные задачи или отгадывать загадки самой невесты (Турандот) или ее отца. Или это может быть загадка, загаданная кем-то еще, например, тем же сфинксом, но тот, кто ее отгадывает, в итоге может жениться, как Эдип. В этом случае разгадывание загадки совпадает с победой над чудовищем и подтверждает силу жениха (см. выше). В общем, загадка — один из вариантов испытания героя.

Но тут жених загадку загадывает сам, что довольно странно. Может быть, это очередная его трикстерская выходка. Самсон, хоть и жених, разговаривает уже с позиции силы: как тот, кто уже вкусил меда мудрости. В качестве свадебного царя Самсон испытывает свою свиту.

¹³ G. Hasan-Rokem, D. Shulman. Introduction // G. Hasan-Rokem, D. Shulman (eds.). Untying the Knot. On Riddles and Other Enigmatic Modes. Oxford – N. Y., 1996. P. 3; A. Kaivola-Bregenhøj. Riddles and Their Use // ibid., p. 11.

¹⁴ Kaivola-Bregenhøj. pp. 26-29; см. также D. Handelman. Traps of Trans-formation: Theoretical Convergences between Riddle and Ritual // ibid., pp. 45-46.

וְאִם-לֹא תוּכְלוּ לְהַגִּיד לִי וּנְתַתֶּם אִתְּם לִי שְׁלֵשִׁים סְדִינִים וּשְׁלֵשִׁים חֲלִיפוֹת בְּגָדִים וַיֹּאמְרוּ לוֹ הַחִידָה חִידָתְךָ¹³

וְנִשְׁמַעְנָה:

וַיֹּאמֶר לָהֶם מִהֲאֵכֶל יֵצֵא מֵאֵכֶל וּמֵעַז יֵצֵא מִתּוֹךְ¹⁴

Те ответили:

— Загадывай свою загадку. Послушаем!

И Самсон сказал:

— Из поедающего вышла еда, из свирепого — сладкое.

Многие традиционные загадки построены на парадоксе, на совмещении противоположностей. При буквальном понимании получается нечто несуразное, хаотическое. Перечисляются несовместимые свойства, например, «без окон, без дверей полна горница людей» (как же люди попали в эту горницу?). Этот хаос противоречий соответствует переходному, лиминальному состоянию, через которое проходит испытуемый. Разгадывая загадку, человек символически преодолевает этот хаос, возвращается в упорядоченный мир. В загадке Самсона тоже есть парадокс. Тот, кто ест (активное начало), превращается в еду (пассивное начало), свирепый — в сладкого. Евр. *az* часто переводят «сильный», но важно, что это сила активная, агрессивная. Например, сила воина или царя. Так можно сказать про льва и про самого Самсона.

Что Самсон имеет в виду? Самый простой ответ: льва и мед. Его загадка в этом смысле нечестная: ответ может быть известен только ему самому. Филистимлянам остается либо сдаться, либо схитрить в свою очередь. Есть сказки, построенные именно на такой загадке и остроумном ответе. Король требует от мельника сказать, сколько весит луна, сколько на небе звезд и «что я сейчас думаю». Мельник горюет, ему на выручку приходит некий дурачок. При условии, что мельник отдаст за него свою дочь, он готов переодеться мельником и ответить на все вопросы. Что он говорит про луну и звезды, сейчас не имеет значения, а на вопрос короля «что я сейчас думаю» он отвечает: «Сейчас ты думаешь, что ты говоришь с мельником, хотя на самом деле ты говоришь с его зятем»¹⁵. Т. е. в ответ на нечестную загадку Самсона мы должны ожидать ответной хитрости филистимлян.

В то же время загадка Самсона на другом, символическом уровне описывает самое себя. «Сладкое» означает мед, а «мед», как мы уже знаем, — метафора мудрости и красноречия:

צוֹף-דְּבֵשׁ אִמְרֵי-נְעִם מִתּוֹךְ לִנְפֶשׁ וּמִרְפָּא לְעַצְמִים:

Приятная речь — что медовые соты: сладость для души, исцеление для тела (Прит 16:24).

מִהֲנִמְלִצוֹ לְחַכֵּי אִמְרֵתְךָ מִדְּבֵשׁ לְפִי:

Как гладки для моего неба твои слова! Они лучше слаще меда для моих уст (Пс 119:103).

Мудрость и красноречие выражаются, среди прочего, в умении загадать загадку. В этом смысле всякая загадка «сладкая». Загадывает загадку свирепый Самсон, из него «вышел» мед слов, мед загадки.

Кажется, есть еще третий уровень смысла: вызов филистимлянам. Вот я, свирепый Самсон. Сможете вы меня сделать сладким, безобидным? Сможете сделать из меня еду, съесть меня? Если филистимлянам удастся разгадать загадку, это будет означать победу над Самсоном. Победу над его грозной силой, ее парадоксальную трансформацию во что-то безобидное и пассивное. Это будет не теоретическим, а практическим решением загадки.

וְלֹא יָכְלוּ לְהַגִּיד הַחִידָה שְׁלֹשֶׁת יָמִים:

וַיְהִי בַיּוֹם הַשְּׁבִיעִי¹⁵

Три дня филистимляне не могли разгадать загадку. Наступил седьмой день пира.

В хронологии рассказа путаница, в рукописях разночтения (есть чтение «семь дней», есть в Септуагинте «четвертый день»). Традиционные комментаторы выкручиваются как могут: на четвертый день филистимляне отчаялись и перестали пытаться отгадать, но обратились к жене Самсона только на седьмой; а тем временем она сама все семь дней добивалась от Самсона отгадки по собственному желанию!

וַיֹּאמְרוּ לְאִשְׁת־שָׁמְשׁוֹן פְּתִי אֶת-אִשְׁדָּךְ וַיְגַדְלֵנוּ אֶת-הַחִידָה

¹⁵ R. Bauman. "I'll give you three guesses": The Dynamics of Genre in the Riddle-Tale // *ibid.*, pp. 63-65.

פֶּן־נִשְׁרַף אוֹתָךְ וְאַתְּבִית אִבֶּיךָ בְּאֵשׁ הַלִּירְשָׁנוּ קְרֹאתֶם לָנוּ הַלֵּא:

Они сказали жене Самсона:

— Одурачь своего мужа, чтобы он сказал нам разгадку. А не то мы сожжем и тебя, и семью твоего отца!
Вы зачем нас позвали — чтобы обобрать?

Филистимляне приходят к выводу, что победить Самсона можно только хитростью, с помощью женщины. Т. е. хотя они не знают разгадки, но в некотором смысле уже подобрались к практическому решению задачи, как свирепого сильного Самсона сделать «сладким», как его превратить из «поедающего» в «еду». Для такой трансформации нужна женщина.

וַתִּבֶּן אִשְׁתׁ שְׁמִשׁוֹן עָלָיו וַתֹּאמֶר רַק־שִׁנְאַתִּנִּי וְלֹא אֶהְבֶּתִּנִּי הַחִידָה חֲדָתָ לְבִנִּי עִמִּי וְלִי לֹא הִגַּדְתָּה וַיֹּאמֶר לָהּ
הֲנִי לְאָבִי וְלְאִמִּי לֹא הִגַּדְתִּי וְלָךְ אֲגִיד:

Жена Самсона стала плакаться Самсону:

— Ты ко мне холоден! Не любишь ты меня! Загадал моим соплеменникам загадку, а мне не сказал разгадку!

Он сказал ей:

— Я даже отцу с матерью не сказал. Неужели тебе скажу?

Невеста предает Самсона. Конечно, филистимляне ее шантажировали. В то же время это ее «соплеменники» (букв. «сыновья моего народа»). Да и Самсон ей не доверяет, противопоставляет ее «отцу с матерью», т. е. родным. Своим родным не сказал, а тебе тем более не скажу. Почему? Очевидно, потому что чужая.

Мы помним, что родители протестовали против невесты из «необрезанных филистимлян». Для них это опасная Чужая Женщина. Но и для Самсона, получается, его невеста — Чужая Женщина. И сама она в итоге играет эту роль. Вместо суженой невесты, помогающей герою, она оказывается коварной Чужой Женщиной, воплощением враждебных и подрывных сил. Как Чужая Женщина в Притчах, как Иезавель и жены Соломона, как иноплеменницы, которых изгоняет Эзра. Про Чужую Женщину сказано:

כִּי נִפְתַּתְּ טַפְנָה שְׁפָתַי זָרָה וְחָלַק מִשְׁמֵן חֶבֶה: (Pro 5:3)

Источают мед уста чужой, ее небо глаже, чем масло.

«Гладкость» означает хитрость (вспомним «гладкого» Иакова), но я хотел обратить внимание на мед. Это другой мед, альтернативный. Один мед добывается героем, убивающим льва. Про него знает только Самсон. Но зато у филистимлян есть другой мед: мед Чужой Женщины. Это опять метафора хитрых речей и в то же время эротики:

נִפְתַּתְּ טַפְנָה שְׁפָתוֹתַי כְּלֶה דְבֶשׁ וְחָלַב תַּחַת לְשׁוֹנָי:

Патокой текут твои губы, невеста,

мед и молоко — под языком у тебя (Песн 4:11).

וַתִּבֶּן עָלָיו שִׁבְעַת הַיָּמִים אֲשֶׁר־הָיָה לָהֶם הַמְּשֵׁתָה וַיְהִי בַיּוֹם הַשְּׁבִיעִי וַיִּגְדַּלְהָ כִּי הִצִּיקְתָּהּ וַתִּגַּד הַחִידָה לְבִנִּי
עִמָּה:

Все семь дней, что шел пир, она плакалась ему. И на седьмой день он сказал ей разгадку — так она его доняла! А она рассказала своим соплеменникам.

И вот, на седьмой день, перед заходом солнца, жители города сказали Самсону:

— Что слаще меда? Кто льва свирепей?

Филистимляне не просто сообщают отгадку («мед в трупe льва»). Они говорят так, как будто в свою очередь загадывают загадку. Самсон отвечает им в тон:

וַיֹּאמְרוּ לוֹ אֲנָשֵׁי הָעִיר בַּיּוֹם הַשְּׁבִיעִי בְּטָרֶם יָבֵא הַחֶרֶסָה מֵהַמְּתוֹק מִדְּבֶשׁ וַיְמָה עַז מֵאָרִי וַיֹּאמֶר לָהֶם לֹא
חֶרְשֵׁתֶם בְּעִגְלָתִי לֹא מִצְאֶתֶם חִידָתִי:

Самсон сказал им:

— Если бы вы на моей телке не пахали, не отгадать бы вам моей загадки!

Конечно, это уже не загадки, над которыми надо ломать голову. Это скорее обмен язвительными афоризмами: то, что в Библии часто называют *машаль* «притча» (как в выражении «стать притчей во языцех»). Получается состязание в остроумии и красноречии, где Самсон и филистимляне оказываются

на равных. Больше нет посвященного и непосвященных: есть соперники. С этого начинается эскалация насилия, от слов быстро переходят к делу, от обмена остроумными колкостями — к обмену ударами. Самсон «одурочен», как и требовалось. Но это означает не победу филистимлян, а начало цепочки кровавых событий: Самсон убивает тридцать филистимлян, потом поджигает поля возле Тимны, филистимляне все-таки сжигают его бывшую невесту и ее отца...

וַתִּצְלַח עָלָיו רוּחַ יְהוָה¹⁹

Дух Яхве охватил Самсона.

Как в эпизоде со львом. Это значит: сейчас он будет совершать подвиг.

וַיֵּרֶד אֲשָׁקֶלֶון וַיַּד מֵהֶם | שְׁלֹשִׁים אִישׁ וַיִּקַּח אֶת־הַחֲלִיצוֹתָם וַיִּתֵּן הַחֲלִיצוֹת לְמַגִּדֵי הַחִידָה

Самсон пошел в Ашкелон, убил там тридцать человек, снял с них одежды и отдал тем, кто разгадал его загадку.

Ашкелон — столица одного из филистимских государств. От Тимны до Ашкелона больше 40 км по прямой на юг. Почему-то Самсон не пошел в соседний Экрон (до которого, как я сказал, было около пяти км).

Итак, первый подвиг — убить льва, второй — убить тридцать человек в каком-то чужом городе. Самсон должен отдать то, что проспорил. Но при чем Ашкелон? Похоже, Ашкелон виноват лишь тем, что это филистимский город. А дух Яхве при чем? Яхве, как было сказано нам в самом начале, искал «повод для ссоры». Повод найден, замысел верховного трикстера осуществлен. Самсон теперь сможет в полной мере реализовать свое героическое предназначение: побить врагов своего народа, как раньше — льва. В мировом фольклоре монстры — архаический тип противника, на смену им постепенно приходят национальные враги. В русских былинах есть, как известно, и те, и другие. Переход от поединка со львом или змеем к борьбе против филистимлян или татар — это продолжение героической деятельности по наведению порядка, но на новом уровне.

וַיַּחַר אָפוּ וַיַּעַל בֵּית אָבִיהוּ:

וַתְּהִי אִשְׁתׁ שְׁמִשׁוֹן לְמַרְעָהוּ אֲשֶׁר רָעָה לּוֹ:²⁰

Потом, в ярости, он ушел домой, к отцу. А жену Самсона взял себе дружка — один из тех, кто был в его свите на свадьбе.

Брак не состоялся: невеста оказалась коварной Чужой Женщиной. Сюжет, который начинался как героическое сватовство (герой нашел невесту в чужой стране, совершил подвиг), развернулся совершенно в другую сторону.

Месть Самсона (1.14)

15:1 וַיְהִי מִיָּמִים בֵּימֵי קִצְי־רֶחֱטִים וַיִּפְקֹד שְׁמִשׁוֹן אֶת־אִשְׁתּוֹ בְּגִדֵי עֲזִים וַיֹּאמֶר אָבִיָּהּ אֶל־אִשְׁתּוֹ הַחֲדָרָה

Потом, уже в пору жатвы пшеницы, Самсон пришел навестить свою жену; он принес с собой козленка. Он думал:

— Войду к своей жене, в ее комнату.

Самсон находится во власти эмоций каждого момента и не думает далеко вперед. Сначала ему хочется срочно жениться вот на этой женщине (и плевать, что она филистимлянка и что думают об этом родители). Потом он весь захвачен обидой. Потом обида прошла, и он идет к жене, забыв об обиде и не особенно задумываясь о том, ждут ли его еще в Тимне. Он уверен в себе и не склонен считаться с социальными условностями. Это противопоставляет Самсона хитрым филистимлянам — и, между прочим, хитрому Иакову. Наивность, необузданность, асоциальность и близость к дикой природе сближают его, как ни странно, с Исавом.

וְלֹא־נִתְּנָה אָבִיָּהּ לְבוֹא:

וַיֹּאמֶר אָבִיָּהּ אֶמֶר אֶמְרָתִי כִּי־שָׁנָא שְׁנֵאתָהּ וְאַתְּנָנָהּ לְמַרְעֵךְ הֲלֹא אֶחָתָהּ הִקְטַנְתָּהּ טוֹבָה מִמָּנָה תְּהִי־נָא לְךָ

תַּחֲתֶיהָ:

וַיֹּאמֶר לָהֶם שְׁמִשׁוֹן נִקִּיתִי הַפְּעַם מִפְּלִשְׁתִּים כִּי־עָשָׂה אֲנִי עִמָּם רָעָה:

וַיֵּלֶךְ שָׁמְשׁוֹן וַיִּלְכַּד שְׁלֹשׁ־מֵאוֹת שׁוֹעָלִים וַיִּקַּח לַפְּדִים וַיִּפֶן זָנֹב אֶל־זָנֹב וַיִּשֶׁם לַפִּיד אֶחָד בֵּין־שְׁנֵי הַזְּנָבוֹת בַּתְּוֹךְ:⁴
וַיִּבְעָר־אֵשׁ בַּלְּפִידִים וַיִּשְׁלַח בְּקִמּוֹת פְּלִשְׁתִּים וַיִּבְעֶר מִגְּדִישׁ וְעַד־קָמָה וְעַד־כְּרָם זֹאת:⁵
וַיֹּאמְרוּ פְּלִשְׁתִּים מִי עָשָׂה זֹאת וַיֹּאמְרוּ שָׁמְשׁוֹן חָתָן הַתְּמָנִי כִּי לָקַח אֶת־אִשְׁתּוֹ וַיִּתְּנָה לְמַרְעָהּ וַיַּעֲלוּ פְּלִשְׁתִּים וַיִּשְׂרְפוּ אוֹתָהּ וְאֶת־אָבִיהָ בָּאֵשׁ:⁶
וַיֹּאמֶר לָהֶם שָׁמְשׁוֹן אֶם־תַּעֲשׂוּן כְּזֹאת כִּי אֶם־נִקְמַתִי בָכֶם וְאַחַר אֶחָדֶל:⁷
וַיֵּךְ אוֹתָם שׁוֹק עַל־יָרֵךְ מִכָּה גְדוֹלָה וַיִּרְדּוּ וַיֵּשֶׁב בְּסֻעֵיף סֹלַע עֵיטִם: ס⁸

Но ее отец не пустил Самсона и сказал:

— Я думал, ты ее бросил, и я отдал ее одному из тех, кто был в твоей свите на свадьбе. Но ведь ее младшая сестра еще лучше! Бери младшую вместо нее!

Самсон сказал им:

— Ну, теперь филистимляне пусть пеняют на себя, если я плохо поступлю с ними!

Он пошел, поймал триста лисиц, связал их по две, хвост к хвосту, и привязал к хвостам каждой пары по факелу. Потом зажег факелы и пустил лисиц на филистимские поля — сжег и стога, и несжатый хлеб, и виноградники, и масличные деревья.

Филистимляне спросили:

— Кто это сделал?

Им ответили:

— Самсон, зять человека из Тимны. Ведь тот отдал его жену дружке.

Филистимляне пошли и сожгли эту женщину вместе с ее отцом.

Самсон сказал:

— Раз вы так, не успокоюсь, пока не отомщу вам сполна!

И он учинил филистимлянам страшное побоище. А потом ушел и поселился в пещере под Этамской скалой.

Миф начинался с попытки экзогамного союза: иудей хотел жениться на филистимлянке, и дело происходило в приграничной Тимне. Но ничего не вышло, и Самсон превращается в разбойника или, по-современному, террориста. Это человек, выброшенный из общества. Но в то же время им руководит дух «нашего» этнического бога Яхве, потому что этот разбойник и террорист — «наш» разбойник и террорист, он борется с чужаками. Это антисоциальный персонаж, но в то же время народный герой и заступник, вроде какого-нибудь Стеньки Разина. Поэтому, собственно, он и попадает в число *шофетим* «судей»¹⁶.

Убивая льва голыми руками, Самсон уже напоминал дикаря. Теперь он живет в пещере, как и подобает дикарю или разбойнику. Он остается на границе между миром своих и миром чужих, но уже как изгой, а не как парламентар.

Самсон уносит ворота Газы (1.15)

וַיֵּלֶךְ שָׁמְשׁוֹן עֲזָתָה

Самсон пошел в Газу.

Как и в мифе о свадьбе в Тимне, Самсон отправляется в страну филистимлян. Но Тимна — маленький приграничный город, а Газа — столица одного из филистимских царств. Когда Самсона схватят, его приведут именно сюда. Т. е. он идет в самую сердцевину опасного мира врагов, которые пытаются его поймать. Зачем он туда идет? Похоже, просто так: это бравада. Как и попытка взять в жены иноплеменницу, это демонстративное нарушение границы.

וַיִּרְאֶשׁם אִשָּׁה זֹזָה וַיִּבֹּא אֵלֶיהָ:

Он увидел там проститутку и пошел переспать с ней.

Как в Тимне, так и в Газе встреча с миром чужаков для Самсона — это встреча с женщиной. С Чужой Женщиной, воплощающей мир чужаков. (Конечно, строго говоря, этническая принадлежность

¹⁶ Сопоставление Самсона с фольклорными разбойниками: S. Niditch. Samson as Culture Hero, Trickster, and Bandit: The Empowerment of the Weak // The Catholic Biblical Quarterly 52 (1990), pp. 621-624.

проститутки не указана в тексте, и она могла быть родом не из Газы и вообще не из филистимской страны.)

На этот раз Самсон не пытается породниться с чужим племенем. Речь с самого начала не идет о героическом браке. Женщина из Газы — проститутка, Самсон — ее клиент. Мы видели, что Чужая Женщина в Библии ассоциируется с развратом и соблазном. Более того, все чужое в каком-то смысле есть разврат и соблазн: чужая культура, чужая религия. В Библии мы часто встречаем фразу «блудить за чужими богами». Поэтому вполне логично, чтобы мир чужаков символизировался не просто женщиной, Чужой Женщиной, а развратной и соблазнительной женщиной (как в Прит 7). Так не только в Библии, конечно. Автор одной статьи о Самсоне отмечает, что приключения с проститутками — классический сюжет приграничных рассказов и что в Лос-Анджелесе любят рассказывать об опасных соблазнительных проститутках мексиканской Тихуаны¹⁷.

Таким образом, ассоциация мира чужих с развратом и соблазном здесь выведена на поверхность: разврат и соблазн — профессия проститутки. Но именно потому, что эти вещи выведены на поверхность, они, возможно, менее опасны. Женщина из Газы не становится роковой женщиной Самсона (в отличие от Далилы в следующей истории). Визит к ней — легкое сексуальное приключение. Рассказ об этом приключении (опять же в отличие от мифа о Далиле) воспринимается скорее как анекдот. Секс и вообще телесный низ играет важную роль в жизни трикстеров (можно вспомнить, например, похождения Ворона в палеоазиатском эпосе¹⁸).

לְעִזְתֵּימָם | לֵאמֹר בָּא שְׁמִשׁוֹן הִנֵּה וַיִּסְבּוּ

Жителям Газы сказали: «Сюда пришел Самсон». Они окружили дом...

«Дом» добавляю по смыслу. В принципе возможен другой перевод: «они обходили город». Но ср. Быт 19:4 и Суд 19:22, 20:5:

טָרַם יִשְׁפְּבוּ וְאֲנִשִּׁי הָעִיר אֲנִשִּׁי סֹדִם נִסְבוּ עַל-הַבַּיִת מִנְעַר וְעַד-זֶקֶן כָּל-הָעָם מִקְצָה:

Не успели они лечь, как жители города, жители Содома обступили дом Лота.

וְהִנֵּה אֲנִשִּׁי הָעִיר אֲנִשִּׁי בְּנִי-בַלְעֵל נִסְבוּ אֶת-הַבַּיִת מִתְּדַפְּקִים עַל-הַדֶּלֶת

Пока они отдыхали, жители города, люди негодные, обступили дом и стали ломиться в дверь.

וַיִּקְמוּ עָלַי בְּעַלְי הַגְּבֻעָה וַיִּסְבּוּ עָלַי אֶת-הַבַּיִת לַיְלָה

Жители Гивы напали на меня, обступили дом ночью.

Похоже, это топос. Так описывается ночь чужака во враждебном городе.

וַיֵּאָרְבוּ-לוֹ כָּל-הַלַּיְלָה בְּשַׁעַר הָעִיר וַיִּתְחַרְשׁוּ כָּל-הַלַּיְלָה לֵאמֹר עַד-אֹזֶר הַבֶּקֶר וְהִרְגָנוּהוּ:

וַיִּשְׁכַּב שְׁמִשׁוֹן עַד-חֲצֵי הַלַּיְלָה וַיִּקָּם | בְּחֲצֵי הַלַּיְלָה

Всю ночь они подстерегали Самсона у городских ворот. Притаившись там, они думали: «Вот рассветет — и уьем его!» Самсон полночи провел в постели. В полночь Самсон встал.

О том, как Самсону удалось миновать людей, окруживших дом, или куда делась засада у ворот, в тексте не говорится. Все внимание рассказчика сосредоточено на главном: что Самсон сделал с воротами.

וַיֵּאָחֵז בְּדִלְתוֹת שַׁעַר-הָעִיר וּבִשְׁתֵּי הַמְּזוּזוֹת וַיִּסָּעֵם עִם-הַבְּרִיחַ וַיִּשֶׁם עַל-כַּתְּפָיו

Он ухватился за городские ворота, за их столбы, — и вырвал ворота вместе с засовом.

Самсон в этом мифе изображен сверхъестественным богатырем, а может, и великаном (в Талмуде приводится утверждение, что ширина его плеч составляла 60 локтей¹⁹). И в то же время, конечно, он изображен трикстером, который находит неожиданный, парадоксальный выход из безвыходной ситуации, оставляя врагов с носом.

וַיַּעֲלֵם אֶל-רֹאשׁ הָהָר אֲשֶׁר עַל-פְּנֵי חֶבְרוֹן:

Взвалил он ворота на плечи и отнес на вершину горы, что напротив Хеврона.

Расстояние от Газы до Хеврона — 60 км, причем идти нужно вверх, в горы. Богатырь Самсон проходит все это расстояние (или почти все: мы, строго говоря, не знаем, что это за «гора, что напротив

¹⁷ S. Weitzman. The Samson Story as Border Fiction // Biblical Interpretation 10 (2002), pp. 159-160.

¹⁸ Е. М. Мелетинский. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М., 1979. С. 46.

¹⁹ Сота 10а.

Хеврона»²⁰) с воротами на плечах. Зачем? Это уже вроде бы лишнее. Можно было бы поднять ворота, выйти и поставить обратно на место. Но Самсону этого мало: он хочет еще поглумиться над жителями Газы, оставить Газу без ворот, т. е. оставить ее беззащитной. Более того, ворота теперь находятся на иудейской территории, как своего рода трофеев, как символ победы и власти. Ведь овладение воротами — это и в техническом, и в символическом смысле ключ к овладению городом. В Библии встречается выражение «овладеть воротами врагов» (Быт 22:17, 24:60), метонимически означающее «овладеть вражеским городом». Здесь же Самсон «овладевает воротами» в самом буквальном смысле, и буквализация фразеологизма придает эпизоду комическое звучание. Поскольку же ворота символизируют границу, трюк с воротами — насмешка не только над филистимлянами, но и над границей вообще.

Сюжет начинается с визита Самсона к проститутке, а заканчивается символическим захватом ворот. Вспомним, что «город» на иврите женского рода и что в библейской поэзии города постоянно персонифицируются в Библии как женщины. Например, ср. обращение к деве Вавилон в Пс 137: «Дева Вавилон, обреченная насилью!» Или можно вспомнить первый стих Плача Иеремии, где Иерусалим сравнивается со вдовой.

אַיִכָּה | יִשְׁבֶּה בְּדוֹד הָעִיר רַבָּתִי עִם הַיְתָה כְּאַלְמָנָה רַבָּתִי בְּגוֹזִים שְׁרָתִי בְּמִדְיָנוֹת הַיְתָה לְמָס:

Как сидит одиноко столица, что была многолюдной! Вдовой она стала, а была госпожой народов. Владычица земель рабыней стала.

Или множество примеров, где Иерусалим называется «девой», вроде такого:

נִילִי מְאֹד בַּת־צִיּוֹן
הָרֵיעִי בַּת יְרוּשָׁלַם
הִנֵּה מַלְכָּךְ יָבוֹא לָךְ

Веселись, дева Сион!

Ликуй, дева Иерусалим!

Вот идет к тебе твой царь... (Зах 9:9)

Соответственно овладение городом может быть метафорически представлено как сексуальное овладение женщиной. Тогда начало и конец этого маленького рассказа параллельны друг другу. Женщина, доступная для всех, и город, лишенный ворот, и тем самым доступный.

Сюжет о визите Самсона к проститутке интересно сравнить с другим библейским мифом: о том, как разведчики проникают в Иерихон и останавливаются у проститутки Раав (текст 1.11).

Предки евреев во главе с Иисусом Навином готовы вступить в обетованную землю, Иерихон — первый город, который они должны захватить.

וַיִּשְׁלַח יְהוֹשֻׁעַ בְּנֵי־נֹנֹן מִן־הַשְּׂטִיִּים שְׁנַיִם־אֲנָשִׁים מִרְגָּלִים תְּרַשׁ לְאֹמֶר לְכוּ רְאוּ אֶת־הָאָרֶץ וְאֶת־יְרִיחוֹ

Иисус Навин тайно послал из Шиттима двух человек на разведку. Он сказал им:

— Идите, осмотрите эту страну, Иерихон.

Начало вроде бы совсем не такое, как в мифе о визите Самсона в Газу. Там был одинокий разбойник, который приходит во вражеский город без видимой цели. Здесь — два разведчика с четким заданием «осмотреть страну».

וַיֵּלְכוּ וַיָּבֹאוּ בֵּית־אִשָּׁה זֹנָה וְשִׁמָּה רַחֵב וַיִּשְׁכְּבוּ־שָׁמָּה:

Они отправились в путь, пришли в дом проститутки по имени Раав и легли там.

Задание заданием, но первым делом, подобно Самсону, разведчики отправляются к проститутке. Однако на этом их разведка и заканчивается, поскольку, как выясняется, о них уже успели донести местному царю.

³ וַיִּשְׁלַח מֶלֶךְ יְרִיחוֹ אֶל־רַחֵב לֵאמֹר הֲוָצִיֵּי הָאֲנָשִׁים הַבָּאִים אֵלַיךְ אֲשֶׁר־בָּאוּ לְבִיתְךָ כִּי לְחַפֵּר אֶת־כָּל־הָאָרֶץ בָּאוּ:

⁴ וַתִּקַּח הָאִשָּׁה אֶת־שְׁנֵי הָאֲנָשִׁים וַתַּצְפֵּנוּ וַתֹּאמֶר | כֵּן בָּאוּ אֵלַי הָאֲנָשִׁים וְלֹא יָדַעְתִּי מֵאַיִן הֵמָּה:

⁵ וַיְהִי הַשַּׁעַר לְסָגוֹר בַּחֲשֵׁךְ וְהָאֲנָשִׁים יָצְאוּ לֹא יָדַעְתִּי אָנָּה הָלְכוּ הָאֲנָשִׁים רִדְפוּ מֵהָר אַחֲרֵיהֶם כִּי תִשְׁיָגוּם:

²⁰ Поздняя христианская традиция отождествляет эту гору с небольшим холмом эль-Мунтар к юго-востоку от Газы, совсем не на пути в Хеврон (см. комментарий к этому месту в: G. E. Moore. A Critical and Exegetical Commentary on Judges. Edinburgh, 1895).

⁶ וְהָיָא הַעֲלִיתֶם הַגָּגָה וְתִטְמַנְמֶנּוּ בְּפִשְׁתֵּי הָעֵץ הָעֲרֻכּוֹת לָהּ עַל־הַגָּג:

⁷ וְהָאֲנָשִׁים רָדְפוּ אַחֲרֵיהֶם דְּרָדַד הִירְדֵן עַל הַמַּעְבְּרוֹת וְהַשַּׁעַר סָגְרוּ אַחֲרָי כַּאֲשֶׁר יֵצְאוּ הַרְדָּפִים אַחֲרֵיהֶם:

Царю Иерихона донесли:

— Этой ночью сюда пришло несколько израильтян, чтобы собрать сведения о стране. Царь послал к Раав своих людей с приказом:

— Выведи людей, которые пришли к тебе, в твой дом. Они пришли собрать сведения обо всей стране.

Раав спрятала тех двоих. Она сказала:

— Да, были у меня эти люди, а я и не знала, откуда они. Когда стемнело и пора было закрывать ворота, они ушли. Куда пошли, не знаю. Поспешите за ними: вы их догоните!

А сама отвела их на крышу и спрятала под сложенными у нее там стеблями льна.

Люди царя пустились в погоню по дороге, которая ведет к Иордану, и дошли до самого брода. После того как они вышли из города, ворота закрыли.

К этому моменту для двух разведчиков речь уже не идет ни о какой разведке: лишь бы удалось скрыться. Удастся это лишь благодаря помощи хитрой женщины. Миссия вроде бы провалена, но при чтении мифа не возникает ощущения фиаско. Почему? Прежде всего, конечно, благодаря длинной речи, которую произносит Раав перед своими гостями.

⁸ וְהָמָּה טָרֶם יִשְׁכְּבוּן וְהָיָא עֲלֵתָה עֲלֵיהֶם עַל־הַגָּג: ⁹ וְתִאֲמַר אֶל־הָאֲנָשִׁים יְדַעְתִּי כִּי־נָתַן יְהוָה לָכֶם אֶת־הָאָרֶץ

וְכִי־נִפְלָה אִימַתְכֶם עָלֵינוּ וְכִי נִמְגּוּ כָּל־יֹשְׁבֵי הָאָרֶץ מִפְּנֵיכֶם:

¹⁰ כִּי שָׁמַעְנוּ אֶת אֲשֶׁר־הוֹבִישׁ יְהוָה אֶת־מִי יַם־סוּף מִפְּנֵיכֶם בְּצִאתְכֶם מִמִּצְרָיִם וְאֲשֶׁר עָשִׂיתֶם לְשָׂנֵי מַלְכֵי הָאָרֶץ

אֲשֶׁר בְּעֵבֶר הִירְדֵן לְסִיחֹן וּלְעוּג אֲשֶׁר הִחְרַמְתֶּם אוֹתָם:

¹¹ וְנִשְׁמַע וַיִּמַּס לְבַבְנוּ וְלֹא־קָמָה עוֹד רוּחַ בְּאִישׁ מִפְּנֵיכֶם כִּי יְהוָה אֱלֹהֵיכֶם הוּא אֱלֹהִים בְּשָׁמַיִם מִמַּעַל וְעַל־הָאָרֶץ

מִתַּחַת:

¹² וְעַתָּה הַשְׁבְּעוּנָא לִי בִיהוָה כִּי־עָשִׂיתִי עִמָּכֶם חֶסֶד וְעָשִׂיתֶם גַּם־אֵתָם עִם־בֵּית אָבִי חֶסֶד וּנְתַתֶּם לִי אוֹת אַמַּת:

¹³ וְהִחִיתֶם אֶת־אָבִי וְאֶת־אִמִּי וְאֶת־אֶחָי וְאֶת־(אֶחָוִיתִי) [אֶחָיוֹתַי] וְאֶת כָּל־אֲשֶׁר לָהֶם וְהִצַּלְתֶּם אֶת־נַפְשֹׁתֵינוּ מִמּוֹת:

Не успели они улечься спать, как она поднялась к ним на крышу и сказала этим людям: «Я знаю, что Яхве отдал вам нашу страну, страх перед вами охватил нас, все жители страны в ужасе из-за вас! Мы слышали, что когда вы уходили из Египта, то Яхве превратил на вашем пути море Суф в сушу. Мы знаем, что вы предали закланию и убили двух аморейских царей Заиорданья, Сихона и Ога. Мы услышали это и пали духом; ни у кого нет смелости противостоять вам. Ведь Яхве, ваш Бог, — это Бог, властвующий над небесами вверху и над землей внизу! Так поклянитесь же мне, призвав Яхве в свидетели, что как я вам сделала добро, так и вы оплатите моему роду добром. Дайте мне надежный знак, что вы сохраните жизнь моему отцу и матери, моим братьям, сестрам и всем их семьям — что вы избавите нас всех от смерти!»

Раав воспринимает своих гостей как будущих победителей, и мы тоже становимся на ее точку зрения, забыв, что разведка фактически не состоялась. Или ее рассказ о настроениях сограждан — это как раз те сведения, которые и требовалось добыть? Во всяком случае, итоговое донесение разведчиков представляет собой резюме речи Раав:

וַיָּבֵאוּ אֶל־יְהוֹשֻׁעַ בֶּן־נֹון וַיְסַפְּרוּ־לוֹ אֶת כָּל־הַמְּצֹאוֹת אוֹתָם:

וַיֹּאמְרוּ אֶל־יְהוֹשֻׁעַ כִּי־נָתַן יְהוָה בְּיַדְנוּ אֶת־כָּל־הָאָרֶץ וְגַם־נִמְגּוּ כָּל־יֹשְׁבֵי הָאָרֶץ מִפְּנֵינוּ:

Они пришли к Иисусу Навину и рассказали ему все, что с ними случилось. Они сказали: «Яхве отдал нам всю эту страну. Все ее жители в ужасе из-за нас» (Нав 2:23-24).

Но почему проститутка Раав обладает таким авторитетом? Мало того, что разведчики полагаются на ее слова (им, в конце концов, ничего другого не остается): сам рассказчик позволяет ей говорить от имени всего Иерихона. Почему вообще так важно поведать о вылазке разведчиков, если они успели только побывать у местной проститутки?

Мы видели, что мир чужаков в Библии нередко воплощается в образе Чужой Женщины, опасной и соблазнительной. В мифе о Самсоне мы столкнулись с комическим вариантом этого мотива: Чужая

Женщина — обычная проститутка, ничего не стоит овладеть ею, что символически означает: овладеть чужим городом. Сексуальное овладение женщиной служило метафорой овладения городом, доступная женщина означала доступный город. Возможно, и Раав — в некотором смысле персонификация Иерихона, что и дает ей право говорить от лица города. А разведчикам, посетившим Раав, это дает ощущение, что город уже принадлежит им. Символически они уже овладели Иерихоном в тот момент, когда «пришли в дом проститутки по имени Раав и легли там».

Другой символ города в обоих мифах — ворота. Они закрыты, но это не помеха. Самсон буквально «овладевает воротами», унося их с собой, а разведчики покидают город через окно:

וַתֹּרְדֵם בַּחֲבֵל בְּעֵד הַחֲלוֹן כִּי בֵיתָהּ בְּקִיר הַחוֹמָה וּבַחוֹמָה הִיא יוֹשְׁבֹתָ:

Раав помогла им спуститься из окна по веревке (ее дом был частью городской стены — в стене города было ее жилище).

Мелхола тем же способом помогает своему мужу Давиду убежать от ее отца Саула (текст 1.18):

וַיִּשְׁלַח שָׁאוּל מַלְאָכִים אֶל־בֵּית דָּוִד לְשַׁמְרוֹ וְלִהְמִיתוֹ בַּבֶּקֶר וַתִּגְדַּל לְדָוִד מִכָּל אֲשֶׁתּוֹ לֵאמֹר אִם־אֵינָהּ מִמֶּלֶט

אֶת־נַפְשֵׁךָ הַלַּיְלָה מָחָר אֲתָה מוֹמֵת:

וַתֵּרֶד מִכָּל אֶת־דָּוִד בְּעֵד הַחֲלוֹן וַיֵּלֶךְ וַיִּבְרַח וַיִּמְלֹט:

וַתִּקַּח מִכָּל אֶת־הַתְּרָפִים וְתִשֵּׁם אֶל־הַמֶּטֶה וְאֵת כְּבִיר הָעֵזִים שָׂמָה מִרְאֲשֵׁתּוֹ וַתִּכַּס בַּבֶּגֶד: ס

וַיִּשְׁלַח שָׁאוּל מַלְאָכִים לְקַחַת אֶת־דָּוִד וְתִאֶמֶר חַלָּה הוּא: פ

וַיִּשְׁלַח שָׁאוּל אֶת־הַמַּלְאָכִים לְרְאוֹת אֶת־דָּוִד לֵאמֹר הֲעֵלּוּ אֹתוֹ בַּמֶּטֶה אֵלַי לְהִמָּתּוֹ:

וַיָּבֵאוּ הַמַּלְאָכִים וְהִנֵּה הַתְּרָפִים אֶל־הַמֶּטֶה וּכְבִיר הָעֵזִים מִרְאֲשֵׁתּוֹ:

Саул послал к дому Давида людей, чтобы подстеречь его и наутро убить. Мелхола, жена Давида, сказала ему:

— Если этой же ночью ты не скроешься, то завтра утром будешь убит.

Мелхола помогла Давиду выбраться через окно. Он убежал и скрылся. А Мелхола взяла *терафим*, уложила в постель, в изголовье положила пряди козьей шерсти и накрыла *терафим*²¹ одеялом. Саул послал людей, чтобы схватить Давида, но она сказала: «Он болен». Тогда Саул послал людей проверить, что с Давидом. Он сказал им:

— Принесите его ко мне на постели, и я убью его.

Посланные вошли, смотрят: в постели *терафим*, а в изголовье — пряди козьей шерсти.

(1 Царств 19:11-16)

В обоих текстах хитрая женщина демонстрирует нелояльность царю (во втором случае — отцу, который по совместительству является царем). Она действует как враг патриархальной власти, подобно Ревекке из нашей первой лекции, интриговавшей против мужа.

Вернемся к мифу о Раав. Этот миф показателен как пример тупиковости наивно-исторического подхода. При наивно-историческом прочтении самое главное — найти пресловутые стены Иерихона, павшие от трубного гласа. И стены нашлись! Но только эти стены (неолитической, раннебронзовой и среднебронзовой эпох) пали задолго до того, как в конце XIII — XII в. до н. э. предки евреев появились на исторической сцене²². В то же время стена, которая описывается в нашем мифе (частью которой был

²¹ Изображение домашнего бога (возможно, духа предка).

²² Укрепленное поселение на территории Иерихона возникло в эпоху докерамического неолита (ок. 8500–5200 гг. до н. э.). Его каменная стена частично сохранилась до высоты 5,75 м, башня — до высоты 7,75 м. В конце IV тыс. до н. э. появляется поселение раннебронзового века, обнесенное стенами из сырцового кирпича. Эти стены, периодически разрушавшиеся во время войн, землетрясений или просто ветшавшие от времени, многократно восстанавливались (обнаружено до семнадцати фаз их существования). Ок. 2300 г. до н. э. город раннебронзового века был уничтожен, есть следы пожара. Поселение среднебронзового века появилось к концу XIX в. до н. э. Город первоначально был обнесен кирпичной стеной, от которой сохранилась совсем небольшая часть. Затем, уже ближе к концу среднебронзового века, был сооружен высокий вал; по гребню его проходила стена. В середине XVI в. до н. э. город был сожжен; среди возможных причин предполагали землетрясение или вражеское нашествие. Керамики позднебронзового века в Иерихоне обнаружено очень мало (в основном в гробницах), причем датируется она практически исключительно XIV в. до н. э. К позднебронзовому веку относятся также остатки трех строений. Никаких следов укреплений этого периода археологи не обнаружили. Даже с учетом эрозии, вероятно, уничтожившей значительную часть архитектурных сооружений позднебронзового века, скудость находок (прежде всего, керамики) свидетельствует о том, что Иерихон в эту эпоху был маленьким и бедным поселением, существовавшим сравнительно

дом Раав), — это казематная стена, характерная для городов IX-VIII вв. до н. э., когда уже существовало Израильское царство: слишком поздно для переселения израильтян в Ханаан. Да и вообще появление предков евреев в Ханаане было, по новейшим реконструкциям археологов, скорее мирной колонизацией, чем завоеванием. А главное, наивно-исторический подход не объясняет, почему так важно, что еврейские разведчики, ничего толком не видевшие в Иерихоне, успели все-таки посетить проститутку. Если же читаем повествование о взятии Иерихона как миф, то параллели с другими мифами (особенно с мифом о визите Самсона в Газу) помогает нам понять его смысл.

Самсон и Далила (1.16)

וַיְהִי אַחֲרֵי־כֵן וַיֵּאָהֱב

Потом Самсон влюбился...

Хотя это уже третий миф о Самсоне и его женщинах, любовь упоминается здесь впервые. В первом мифе Самсон хотел жениться на филистимлянке из Тимны и заявлял родителям, что она ему «подходит» или «нравится». Во втором мифе Самсон зашел к проститутке. Только в третьем мифе впервые Самсон влюбляется, и как раз этот сюжет плохо кончается для Самсона. Миф подразумевает, что любовь для мужчины — это опасная зависимость от женщины.

אִשָּׁה בְּנַחַל שֹׂרֵק וּשְׁמָהּ דָּלִילָה:

...в женщину, которая жила в долине Сорек. Звали ее Далила.

Сорек — долина в пограничной области Шефела, лежавшей между Иудейскими горами и прибрежной страной филистимлян. Родом из долины Сорек был и Самсон. Мы говорили о том, что Тимна, где Самсон пытался жениться, находилась тоже в Шефеле. Получается, что история Самсона в основном разворачивается в этой области, на стыке миров иудейского и филистимского, своего и чужого.

Далилу обычно считают филистимлянкой. На самом деле в тексте это не сказано, и формально она вполне может быть еврейкой. Филистимлянкой ее считают отчасти по аналогии с первыми двумя женщинами Самсона: женой из Тимны и проституткой из Газы. Кроме того, конечно, сама роль Далилы в этом мифе — роль коварной и смертельно опасной соблазнительницы — подталкивает нас к тому, чтобы отождествлять ее с библейской Чужой Женщиной, «посторонней, чьи речи коварны» (Прит 2:16, 7:5).

כִּי שָׁחָה אֶל־מִוֹת בַּיַּתָּהּ וְאֶל־רַפְּאִים מֵעִגְלוֹתֶיהָ:¹⁸

כָּל־בְּאִיָּהּ לֹא יִשׁוּבוּן וְלֹא־יִשְׁיִגּוּ אַרְחֹוֹת חַיִּים:¹⁹

ее дом — провал в смерть,

ее путь ведет к теням подземным.

Кто к ней вошел, не вернется назад

и не выберется на путь жизни.

Мы помним, что иноплеменницы губительны. Они сбили с пути Соломона, о чем напоминает Неемия, ругая и избивая иудеев, вступивших в смешанный брак (текст 2.1 = Неем 13:23-27). Поэтому мы автоматически относим Далилу к филистимлянкам — и, скорее всего, мы делаем это в соответствии с логикой самого мифа. Каково бы ни было этническое происхождение Далилы, она действует как орудие филистимских царей и в этом смысле воплощает угрожающий мир чужаков.

וַיַּעֲלוּ אֵלֶיהָ סֹרְגֵי פְלִשְׁתִּים

Филистимские цари пришли к Далиле.

Было четыре филистимских города-государства: Газа, Ашдод, Ашкелон и Экрон. В текстах, рассказывающих о раннем периоде (скажем, о временах Давида) упоминается еще пятое филистимское государство — Гат. Следовательно, к Далиле приходит четыре или пять царей.

וַיֹּאמְרוּ לָהּ פִּתֵּי אוֹתוֹ וְרֵאִי בְּמָה כְּתוּ גְדוּל

недолго. К. Кенъон предполагает, что оно появилось в самом начале XIV в. до н. э. и исчезло во второй его половине. Сооружений XIII–VIII вв. до н. э. не обнаружено, лишь небольшое количество керамики и пара гробниц, которые датируются ок. XI– начала IX вв. до н. э.

Они сказали ей: «Одурачь его и узнай, в чем секрет его силы.

Когда филистимляне вынуждали невесту Самсона предать его, они тоже говорили: «Одурачь твоего мужа» (*патти*). Но там они угрожали: «сожжем тебя и твоих родных». А здесь филистимские цари действуют не угрозами, а подкупом.

וּבַמָּה נִוְכַל לוֹ וְאַסְרֶנָּהוּ לְעֵנֹתָיו

Как нам одолеть его, как связать его и подчинить?

Глагол *леаннот*, переведенный как «подчинить», значит вообще «угнетать» (напр., раба: Быт 15:13, 16:6, Исх 1:11, 12; вдов и сирот Исх 22:21-22); «подвергать лишениям» (самих себя во время поста: Лев 16:29,31, 23:27,29, 23:32). У него может быть и сексуальное значение: «обесчестить». Однокоренные слова означают «бедный» (*ани*) и «смиранный» (*анав*). Словом, речь идет о лишении кого-то власти, силы, чести.

וְאַנְחֵנוּ נִתְּן־לְךָ אִישׁ אֶלְף וּמֵאָה כֶּסֶף:

А мы дадим тебе по тысяче сто шекелей серебра каждый».

Т. е. примерно по 10 кг.

וּתְאֹמַר דְּלִילָה אֶל־שִׁמְשׁוֹן הַגִּידָה־נָא לִי בַמָּה כָּחַדְךָ גָּדוֹל וּבַמָּה תִּאָסֵר לְעֵנֹתֶיךָ:

Далила сказала Самсону: «Скажи мне, в чем секрет твоей силы? Как тебя связать, как подчинить?»

В сказках встречается похожий мотив: царевна, помогая герою, выведывает, в чем секрет силы Кощея. Например, в сказке «Гусли-самогуды» (текст 6.1) она

... пошла к Кощею Бессмертному и стала его спрашивать ложными речами, как будто она его сердечно любит, и говорила ему слова сии: «Вселюбезнейший мой друг и искренний приятель Кощей Бессмертный! Скажи мне, пожалуй, неужли ты никогда не умрешь?» — «Конечно, я никогда не умру», — отвечал ей Кощей Бессмертный. «Однако, — сказала царевна Дариса, — где ж твоя смерть, да и есть ли она у тебя, скажи ты мне?»

Поначалу Кощей в ответ лжет:

«Конечно есть, — отвечал ей Кощей Бессмертный. — Она под порогом в голике». Царевна Дариса тотчас ухватила тот голик и бросила его в огонь, однако ж хотя голик и сгорел, но Кощей Бессмертный жив остался.

Примерно так же ведет себя Самсон.

וְהָאֲרָב יָשָׁב לָהּ בַּחֹדֶר

וַיֹּאמֶר אֵלֶיהָ שִׁמְשׁוֹן אִם־יִאָסְרֵנִי בְּשִׁבְעָה יְתָרִים לְחַיִּים אֲשֶׁר לֹא־חָרְבוּ וְחַלִּיתִי וְהָיִיתָ כְּאֶחָד הָאָדָם:

וַיַּעֲלוּ־לָּהּ סֶרְנֵי פְלִשְׁתִּים שִׁבְעָה יְתָרִים לְחַיִּים אֲשֶׁר לֹא־חָרְבוּ וּתִאָסְרֶהוּ בָהֶם:

Он отвечал: «Если связать меня семью сырыми, еще не высохшими жилами, я ослабну и стану как обычный человек». Филистимские цари принесли ей семь сырых, еще не высохших жил, и она связала Самсона. А в комнате у нее устроили засаду.

В каком состоянии находится Самсон, когда Далила его связывает? Возможно, он спит: это будет сказано ниже, в рассказе о третьей и четвертой попытках подчинения, а в рассказе о первой и второй, может быть, подразумевается. Либо можно решить, что связывание — это такая игра.

Пока что Далиле еще не удалось лишить Самсона магической силы. Но символически сцена связывания уже изображает то «подчинение и унижение» Самсона, к которому стремится Далила. Сильный герой дает себя связать, причем позволяет это женщине. Можно сказать, что здесь происходит гендерная инверсия, аналогичная той, которая изображается в мифе о Геракле и лидийской царице Омфале (текст 4.15). Геракл был продан ей в рабство, утратил мужественность, был одет в женские одежды и сидел в кругу рабынь.

Меж ионийских рабынь, говорят, держал ты корзинку

И, как они, услышав окрик хозяйки, дрожал.

Другая параллель — Энкиду в вавилонском «Эпосе о Гильгамеше». Чтобы победить дикого Энкиду, Гильгамеш советует привести блудницу Шамхат. Она соблазняет Энкиду, и он лишается своей прежней дикой силы, делается обычным человеком (текст 3.1):

Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила,
Красы ее постиг Энкиду.
Не смущалась, приняла его дыханье,
Расстелила одежду, и лег он сверху,
Наслажденье дала ему, дело женщин,
Ласки его ей были приятны.
Шесть дней миновало, семь дней миновало —
Неустанно Энкиду познавал блудницу.
Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье его избегает —
Устремился к зверям, но застыли ноги.
Осквернил Энкиду свое чистое тело.
Ослаб Энкиду — ему, как прежде, не бегать!

Дикая сила покинула Энкиду, но зато он очеловечивается. Теперь он с интересом слушает человеческую речь:

Но стал он умней, разуменьем глубже, —
Вернулся и сел у ног блудницы,
Блуднице в лицо он смотрит,
И что скажет блудница, — его слушают уши.

Шамхат уводит Энкиду в город, к людям: социализирует его.

Блудница ему вещает, Энкиду:
“Ты красив, Энкиду, ты богу подобен, —
Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
Давай введу тебя в Урук-овчарню,
К светлому дому, жилищу Ану и Иштар,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям!”

Вернемся к Самсону.

וַתֹּאמֶר אֵלָיו פְּלִשְׁתִּים עָלֶיךָ שְׂמֹשׁוֹן וַיִּנְתַּל אֶת־הַיְתָרִים כַּאֲשֶׁר יִנְתַּק פְּתִיל־הַנְּעֹרֹת בְּהַרְיָחוֹ אֵשׁ וְלֹא נֹדַע כְּחוֹ:
וַתֹּאמֶר דְּלִילָה אֶל־שְׂמֹשׁוֹן הִנֵּה הַתְּלַת בֵּי וַתְּדַבֵּר אֵלָי כְּזָבִים עִתָּהּ הַגִּידָה־נָּא לִי בַמָּה תִּאָסֵר:
וַיֹּאמֶר אֵלֶיהָ אִם־אֶסֹּר וַאֲסֹרֶנִי בַעֲבַתִּים חֲדָשִׁים אֲשֶׁר לֹא־נִעְשָׂה בָהֶם מְלֶאכֶה וְחִלִּיתִי וְהִיִּיתִי כְּאֶתֶד הָאָדָם:
וַתֹּאמֶר דְּלִילָה אֶל־שְׂמֹשׁוֹן הִנֵּה הַתְּלַת בֵּי וַתְּדַבֵּר אֵלָי כְּזָבִים עִתָּהּ הַגִּידָה־נָּא לִי בַמָּה תִּאָסֵר:
וַתִּקַּח דְּלִילָה עֲבַתִּים חֲדָשִׁים וַתֹּאסְרֶהוּ בָהֶם וַתֹּאמֶר אֵלָיו פְּלִשְׁתִּים עָלֶיךָ שְׂמֹשׁוֹן וְהָאֲרָב יֵשֵׁב בְּחֶדֶר וַיִּנְתַּקֶם מֵעַל זְרַעְתָּיו כְּחוֹט:

Она сказала ему: «Самсон! Филистимляне идут!». И он разорвал эти жилы — так рвется скрученный лен, которого коснулся огонь. Секрет его силы так и не был раскрыт. Далила сказала Самсону: «Ты меня обманул, сказал мне неправду! Ну, открой мне, чем тебя можно связать?» Он ответил: «Если связать меня новыми веревками, которые еще не были в работе, я ослабну и стану как обычный человек». Далила взяла новые веревки, связала его и сказала: «Самсон! Филистимляне идут!» (А в комнате была устроена засада.) И он разорвал веревки, как нитки.

Это неудивительно. Далила просто не знает, но читатель, знакомый с другими мифами о Самсоне, должен знать, что новыми веревками его уже связывали иудеи (текст 1.14), и тоже безрезультатно:

וַיֹּאסְרֶהוּ בְּשָׁנִים עֲבַתִּים חֲדָשִׁים וַיַּעֲלוּהוּ מִן־הַסֶּלַע:

הוֹאֲבָא עַד־לְחֵי וּפְלִשְׁתִּים הָרִיעוּ לְקִרְאָתוֹ וַתִּצְלַח עָלָיו רִוַח יְהוָה וַתְּהַיִּינָה הָעֲבַתִּים אֲשֶׁר עַל־זְרַעוֹתָיו כְּפִשְׁתִּים אֲשֶׁר בְּעָרוֹ בְּאֵשׁ וַיִּמְסוּ אֶסְרוֹרָיו מֵעַל יָדָיו:

Они связали его двумя новыми веревками и вывели из пещеры.

Как только Самсон подошел к Лехи, филистимляне с криками устремились на него. Дух Яхве охватил Самсона — веревки на его руках сделались как лен, объятый пламенем. Путы на его руках потеряли силу. Итак, уже второй раз Самсон обманул Далилу.

וּתְאֹמַר דָּלִיּלָה אֶל־שִׁמְשׁוֹן עַד־הִנֵּה הִתְלַתְּ בִּי וּתְדַבֵּר אֵלַי כְּזָבִים הִגִּידָה לִּי בְמַה הֶאֱסָר וַיֹּאמֶר
אֵלֶיהָ אִם־תֵּאָרְגִי אֶת־שֵׁבַע מַחְלָפוֹת רֹאשִׁי עִם־הַמַּסְכֶּת:

וּתְתַקַּע בֵּיתָד וּתְאֹמַר אֵלָיו פְּלִשְׁתִּים עָלֶיךָ שִׁמְשׁוֹן וַיִּקַּץ מִשְׁנָתוֹ וַיִּסַּע אֶת־הַיָּתֵד הָאָרְגַּ וְאֶת־הַמַּסְכֶּת:

Далила сказала Самсону: «Ты опять меня обманул, сказал мне неправду! Ну, открой мне, чем тебя можно связать?» Он ответил: «Если ты воткешь семь прядей моих волос в основу ткани [икрепишь их спицей, я стану слабым, как обычный человек]. Когда он уснул, Далила воткала семь прядей его волос в основу ткани.] Она закрепила их спицей и сказала: «Самсон! Филистимляне идут!» Он проснулся — и вырвал ткацкую спицу вместе с основой.

Текст в квадратных скобках взят из Септуагинты²³. В еврейском масоретском тексте он пропущен, вероятно, по ошибке переписчика, взгляд которого случайно соскользнул с «закрепишь их спицей» на «закрепила их спицей». В Септуагинте и Вульгате добавлена еще одна деталь: в Септуагинте Далила прибавляет волосы к стене (εἰς τὸν τοῖχον), в Вульгате — «к земле» (terrae). Оба варианта технически не очень правдоподобны. Вероятно, как «стена», так и «земля» появились в результате неудачных попыток интерпретировать слово *amed*. Обычно оно значит «колышек». Здесь, может быть, это спица, которой подбивают нити друг к другу. Но, судя по тому, что Самсон вырывает спицу, она здесь была использована как своего рода заколка для волос. Конечно, не все тут ясно, и перевод основан на реконструкции, опирающейся отчасти на масоретский текст, отчасти на Септуагинту. Но в любом случае в тексте упоминаются волосы Самсона, и они как-то закрепляются в ткацком станке. Это довольно нетривиальный способ обездвигнуть человека.

С третьей попытки Далиле удастся частично расколоть Самсона: он упоминает о своих волосах. Что-то надо сделать с его волосами — это правда. Что именно, он пока скрывает. Упоминание ткачества можно трактовать символически, ведь ткацкий станок, как и прялка, — это типично женский инструмент. Женщина вплетает волосы мужчины-воина в основу ткани на своем ткацком станке: это значит, она подчиняет его. Вспомним опять Геракла: Омфала принуждает его заниматься женским трудом (текст 4.15):

В гладкой корзинке рукой, во стольких трудах побеждавшей,

Ты безотказно, Алкид, шарил и шерсть доставал,

Грубую, толстую нить сучил ты пальцем огромным,

Мерой за меру сдавал пряжу красавице в дань.

Ах, покуда вели эту нить неуклюжие пальцы,

Сколько тяжелой рукой ты изломал веретен!

Это для Геракла, конечно, ужасный позор. В Библии, когда Давид осыпает проклятиями своего военачальника Иоава (2 Царств 3:29), он желает, чтобы потомки Иоава были нечистыми, прокаженными, голодали, мерли и... сидели за веретеном:

וְאֵל־יִכָּרֵת מִבַּיִת יוֹאָב זָב וּמִצָּרַע וּמִחֲזִיק בַּפֶּלֶךְ וְנִפְלַ בְּחָרֵב וְחִסְר־לְחֵם:

Но вернемся к Далиле, которая должна наконец выпытать у Самсона секрет его силы.

וּתְאֹמַר אֵלָיו אֵיךְ תֵּאָמַר אֶהְבֶּתִּיךָ וְלִבְךָ אֵין אִתִּי

Она сказала ему: «Как же ты говоришь, что любишь меня? Твое сердце не со мной».

Примерно так же говорила Самсону его жена в Тимне (текст 1.13, который мы уже читали):

וּתְבָרַךְ אִשְׁתְּ שִׁמְשׁוֹן עָלָיו וּתְאֹמַר רַק־שָׂנֵאתָנִי וְלֹא אֶהְבֶּתָנִי

Жена Самсона стала плакаться Самсону:

— Ты ко мне холоден! Не любишь ты меня!

Царевна Дариса в сказке «Гусли-самогуды» обращается к Кощею Бессмертному:

«Друг мой прелюбезный, конечно, ты меня не любишь, что не скажешь мне правду, где смерть твоя, ведь я тебе не лиходейка, а люблю тебя всею моею душою».

²³ В некоторых рукописях Септуагинты уточняется, что Далила должна воткать волосы Самсона на локоть длины (ὡς ἐπὶ πῆχυς). См. F. Field, *Origenis Hexaplorum quae supersunt*. Oxonii, 1875. T. I, p. 453.

Потом, когда он опять ее обманул:

...царевна Дариса, победив к Кошею Бессмертному, говорила ему со слезами: «Ты, право, меня не любишь, что не скажешь мне правды, где твоя смерть, и ты все меня обманываешь, как дуру»...

В итоге Кошею ничего не остается, как сказать правду. И Самсону тоже.

זֶה שֶׁלֶשׁ פְּעָמִים הִתְלַתְתָּ בִּי וְלֹא־הִגַּדְתָּ לִּי בְמַה כָּחַךְ גְּדוּלִּי:

וַיְהִי כִּי־הִצִּיקָהּ לוֹ בַדְּבָרֶיהָ כָּל־הַיָּמִים וַתֹּאמְרָהּ

«Ты уже три раза меня обманул! Так и не открыл ты мне, в чем секрет твоей силы». Что ни день, она донимала и допекала его такими просьбами.

Так же действовала и невеста в Тимне:

וַתִּבְדֹּךְ עָלָיו שִׁבְעַת הַיָּמִים אֲשֶׁר־הָיָה לָהֶם הַמִּשְׁתָּה וַיְהִי בַיּוֹם הַשְּׁבִיעִי וַיִּגְדַּלְהָ כִּי הִצִּיקָתָהּ וַתִּגַּד הַחִידָה לְבָנִי

עֲמָה:

Все семь дней, что шел пир, она плакалась ему. И на седьмой день он сказал ей разгадку — так она его доняла!

Мы не знаем, сколько дней допекала Самсона Далила, но во всяком случае и она его тоже успешно допекла.

וַתִּקְצֹר נַפְשׁוֹ לָמוֹת:

וַיִּגְדַּלְהָ אֶת־כָּל־לְבָבוֹ וַיֹּאמֶר לָהּ מוֹרָה לֹא־עָלָה עַל־רֹאשִׁי כִּי־נִזְוֵיר אֱלֹהִים אֲנִי מִבְּטָן אִמִּי אִם־גָּלַחְתִּי וְסָר מִמֶּנִּי

כְּחִי וְחַלְיָתִי וְהִיָּתִי כְּכֹל־הָאָדָם:

Устал он от этого до смерти и открыл ей все свое сердце. Он сказал: «Бритва не касалась моей головы, ведь я Божий назорей еще с тех пор, как был в утробе матери. Если меня обрить, моя сила оставит меня, я ослабну и стану как обычный человек».

В мифе о рождении Самсона ангел говорит его матери (Суд 13:5, см. текст 1.12):

כֹּל הַיָּמִים הָרָה וְיִלְדֶתָ בֵּן וּמוֹרָה לֹא־יַעֲלֶה עַל־רֹאשׁוֹ כִּי־נִזְוֵיר אֱלֹהִים יִהְיֶה הַנֶּעֱר מִן־הַבֶּטֶן

Ты беременна и родишь сына. Бритва не коснется его головы, ведь Божьим назореем будет этот мальчик уже в утробе твоей.

В Пятикнижии, в книге Чисел (гл. 6) есть правила о назорействе.

אִישׁ אִו־אִשָּׁה כִּי יִפְלֵא לְנַדֵּר גָּדֹר נָזִיר לַיהוָה:

³ מִיַּיִן וּשְׂכָר יִזִּיר חֶמֶץ יַיִן וְחֶמֶץ שֶׁכָּר לֹא יִשְׁתֶּה וְכָל־מִשְׁרַת עֲנָבִים לֹא יִשְׁתֶּה וְעֲנָבִים לַחִים וַיִּבְשִׂים לֹא יֹאכֵל:

⁴ כָּל יְמֵי נִזְוֵירוֹ מִכָּל־אֲשֶׁר יַעֲשֶׂה מִגֶּפֶן הַיַּיִן מִחֲרָצִיִּים וְעַד־זֶג לֹא יֹאכֵל:

⁵ כָּל־יְמֵי גָדְרוֹ נִזְוֵירוֹ תַעֲר לֹא־יַעֲבֹר עַל־רֹאשׁוֹ עַד־מְלֵאת הַיָּמִים אֲשֶׁר־יִזְוֵיר לַיהוָה קֹדֶשׁ יִהְיֶה גְדֻלֵּי פָרַע שְׁעַר רֹאשׁוֹ:

⁶ כָּל־יְמֵי הַזִּירוֹ לַיהוָה עַל־נַפְשׁוֹ מֵת לֹא יָבֵא:

⁷ לְאָבִיו וּלְאִמּוֹ לְאָחָיו וּלְאִחָתוֹ לֹא־יִטְמֵא לָהֶם בְּמַתָּם כִּי נָזֵר אֱלֹהֵיו עַל־רֹאשׁוֹ:

⁸ כָּל יְמֵי נִזְוֵירוֹ קֹדֶשׁ הוּא לַיהוָה:

⁹ וְכִי־יָמוּת מֵת עָלָיו בְּפֶתַע פְּתָאִים וְטָמֵא רֹאשׁ נִזְוֵירוֹ וְגִלַּח רֹאשׁוֹ בַיּוֹם טְהַרְתּוֹ בַיּוֹם הַשְּׁבִיעִי יִגְלַחֲנוּ:

¹⁰ וּבַיּוֹם הַשְּׁמִינִי יָבֵא שְׁתֵּי תְרִים אֵו שְׁנֵי בָנִי יוֹנָה אֶל־הַכֹּהֵן אֶל־פֶּתַח אֹהֶל מוֹעֵד:

¹¹ וַעֲשֶׂה הַכֹּהֵן אֶחָד לְחִטָּאת וְאֶחָד לְעֹלָה וְכִפֹּר עָלָיו מֵאֲשֶׁר חָטָא עַל־הַנֶּפֶשׁ וְקֹדֶשׁ אֶת־רֹאשׁוֹ בַיּוֹם הַהוּא:

¹² וְהִזִּיר לַיהוָה אֶת־יְמֵי נִזְוֵירוֹ וְהִבְיֵא בָבֶשׂ בֶּן־שָׁנָתוֹ לְאִשָּׁם וְהַיָּמִים הָרִאשׁוֹנִים יִפְלוּ כִּי טָמֵא נִזְוֵירוֹ:

Если кто-нибудь, мужчина или женщина, даст специальный обет назорейства, посвящая себя Яхве, то пусть воздерживается от вина и браги, пусть не употребляет винный уксус или уксус из браги, пусть не пьет виноградный сок ни в каком виде, пусть не ест свежий виноград или изюм. В течение всего срока своего назорейства (*незер*) он не должен есть ничего, что приготовлено из винограда, даже виноградные косточки или кожуру винограда.

В течение всего срока его назорейского обета бритва не должна касаться его головы. Пока не завершится срок, на который этот человек посвятил себя Яхве, он свят: пусть отращивает волосы и не стрижет их.

В течение всего срока, на который он посвятил себя Яхве в назореи, он не должен приближаться к мертвому телу. Даже если умрет его отец или мать, брат или сестра, он не должен оскверняться прикосновением к ним, ведь на голове у него Божий *незер*. В течение всего срока своего назорейства он он посвящен Яхве.

Если кто-нибудь неожиданно умрет рядом с ним и осквернит его голову, на которой *незер*, то пусть обреет голову, когда снова станет чист: на седьмой день после осквернения пусть обреет ее. А на восьмой день пусть принесет жрецу ко входу в Шатер Встречи двух горлиц или двух голубей. Пусть жрец принесет этих птиц в жертву (одну — как очистительную жертву, вторую — как всеожжение) и так искупит его от осквернения мертвым телом. И пусть назорей в тот же день снова освятит свою голову, даст перед Яхве обет назорейства на новый срок и приведет годовалого ягненка как возмездительную жертву. А прежний срок не засчитывается, потому что его *незер* оказался оскверненным (Числ 6:2-12).

Если сравнить назорейство в Числ 6 с назорейством Самсона, то бросается в глаза несколько несоответствий. Во-первых, в Числ 6 речь идет о временном обете, а Самсон — пожизненный назорей. Во-вторых, этот временный обет в Числ 6 дает сам человек (очевидно, уже будучи взрослым), а Самсону назорейство было предписано свыше, причем еще когда он находился в утробе матери. В-третьих, кроме запрета стричь волосы, назорей в Числ 6 не должен пить вина и браги. Запрет на алкоголь упоминается и в мифе о рождении Самсона, но тут его должна соблюдать мать (Суд 13:4,14).

13:4 וְעַתָּה הִשְׁמְרֵי נָא וְאַל-תִּשְׁתִּי יַיִן וְשִׁכָר וְאַל-תֹּאכַל כָּל-טָמֵא:

Смотри же, не пей ни вина, ни браги и не ешь никакой нечистой пищи.

13:14 מִכֹּל אֲשֶׁר-יֵצֵא מִגִּפְּן הַיַּיִן לֹא תֹאכַל וַיַּיִן וְשִׁכָר וְאַל-תִּשְׁתִּי וְכָל-טָמֵא אֶל-תֹּאכַל כָּל אֲשֶׁר-צִוִּיתִיךָ תִּשְׁמֹר:

Пусть она не ест ничего из того, что дает виноградная лоза, и не пьет вина и браги. Пусть не ест никакой нечистой пищи. Пусть соблюдает все, что я велел ей.

Про самого же Самсона не сказано, что он не должен пить вина. Конечно, может быть, это подразумевается: мать не должна пить, тем более он сам.

В-четвертых, назорею в Числ 6 запрещено прикасаться к трупам. В повествовании о Самсоне запрет прикасаться к трупам не только не упомянут: он и невозможен для Самсона, который постоянно убивает, а также ест мед из львиного трупа. Как объяснить нестыковку? Может быть, в Числах и в повествовании о Самсоне отражены разные (и относящиеся к разным эпохам?) представления о назорействе.

Но нас, в контексте мифа о Самсоне и Далиле, должны больше волновать волосы назорея, его *незер*. Слово *незер* в Числ 6 означает как сами волосы, которые нельзя стричь («ведь на голове у него Божий *незер*»), так и статус назорея, его назорейство («в течение всего срока своего *незер*»). Назорей посвящен Богу («свят»), и в особенности посвящены его волосы, «Божий *незер*»²⁴. Но, хотя волосы назорея священны, они не считаются в Числ 6 источником особой силы. А в нашем мифе волосы оказываются источником магической силы. Это, конечно, фольклорный, сказочно-мифологический мотив, известный и у других народов. Фрезер в книге «Фольклор в Ветхом Завете» приводит примеры из разных частей света: туземцы различных островов Индонезии верили, что их сила в волосах; в Европе, Индии, Мексике считали, что сила ведьмы в ее волосах. Кроме того, есть широко распространенный мотив особого магического волоса (или нескольких волосков), от которого зависит жизнь чародея. Вот примеры из греческой мифологии (тексты 4.16-20, мы посмотрим 4.19).

²⁴ Обычай посвящать волосы божеству существовал у греков. «Весьма широко распространен был обычай посвящать свои волосы богам, преимущественно речным и нимфам, а также Аполлону. Девушки делали это перед свадьбой, юноши при первой стрижке по наступлении возмужалости. Из Афин богатые и тщеславные юноши нередко специально отправлялись в Дельфы для посвящения своих волос Аполлону» (В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. СПб, 1997, с. 45). Кроме того, волосы срезали в жертву мертвому. В «Илиаде», погребая Патрокла, греки покрывают его тело своими отрезанными волосами. То же делает Ахилл. Он говорит, обращаясь к фессалийской реке Сперхию:

Сперхий! напрасно отец мой, молясь к тебе, обрекался,
Там, когда я возвращаюсь в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе ж посвятить пятьдесят овнов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу! (23.144-151)

Скилла, Нис и Минос

Про этого Ниса есть предание, что у него на голове были пурпурные волосы и что если их остричь, он умрет. Когда критяне пришли в его землю, они захватили все другие города в Мегариде при первом же нападении, а Нисею, куда бежал Нис, они собирались осадить. Говорят, что здесь дочь Ниса влюбилась в Миноса и что она остригла волосы отца (Павсаний, «Описание Эллады» 1.19.4).

В разных вариантах мифа у Ниса на голове бывает один или несколько пурпурных волос. Овидий в «Метаморфозах» (в начале книги VIII) делает из этого мифа психологическое повествование, где показано, как Скилла дозревает до предательства. Есть похожий миф про Комето и Птерелая (текст 4.16).

Интересно, что в обоих греческих мифах героиня, отрезая магическую прядь, героиня помогает юному возлюбленному победить старого отца. В русских сказках царевна, выведывая у Кощея, где спрятана его смерть, опять-таки помогает молодому царевичу против старого колдуна. Но в мифе о Самсоне, наоборот, жертвой героини становится ее молодой любовник.

וַתֵּרֶא דְּלִילָה כִּי־הִגִּיד לָהּ אֶת־כָּל־לְבוֹ וַתִּשְׁלַח וַתִּקְרָא לְסַרְנֵי פְּלִשְׁתִּים לֵאמֹר עָלֶיךָ הִפְעַם כִּי־הִגִּידוּ (לָהּ) וְלִי
אֶת־כָּל־לְבוֹ וְעָלֶיךָ סַרְנֵי פְּלִשְׁתִּים וַיַּעַל הַכֶּסֶף בְּיָדָם:
וַתִּשְׁנֶהוּ עַל־בְּרִפְיָהּ וַתִּקְרָא לְאִישׁ וַתִּגְלַח אֶת־שֵׁבַע מַחְלָפוֹת רֵאשׁוֹ

Поняла Далила, что он открыл ей все свое сердце, и послала позвать филистимских царей. Она передала им: «Теперь приходите! Он открыл мне все свое сердце». Филистимские цари пришли к ней, принесли серебро. Она усыпила Самсона у себя на коленях, потом позвала человека и обрила у Самсона семь его прядей.

Роль этого человека, которого она позвала, в тексте не совсем ясна. Что он делал? Держал голову Самсона? Подавал бритву? Может быть, это он брил Самсона? В Вульгате: *vocavitque tonsorem* «позвала цирюльника», так же переведено в части рукописей Септуагинты (*τὸν κουρέα*). Тогда «она обрила» надо понимать в смысле «организовала бритье».

וַתַּחַל לְעַנּוֹתוֹ וַיִּסַּר כָּחוֹ מֵעַלָיו:

וַתֹּאמֶר פְּלִשְׁתִּים עָלֶיךָ שְׂמִשׁוֹן וַיִּקַּץ מִשְׁנָתוֹ וַיֹּאמֶר אֵימָא כָּפַעַם בְּפַעַם וְהֵאָנֹכֵר וְהוּא לֹא יָדַע כִּי יְהוּה סָר מֵעַלָיו:

Так она впервые подчинила Самсона — сила оставила его. Она сказала: «Самсон! Филистимляне идут!» Он проснулся и подумал: «Вырвусь, как обычно! Выберусь!» Он не знал, что Яхве оставил его.

Возможно, обривание головы имеет не только магический, но и символический смысл. Оно было знаком рабства и позора. Например, в Законах Хаммурапи за лжесвидетельство в определенных обстоятельствах предписывается обрить полголовой (параграф 127). Да и сейчас обривание головы заключенным, вероятно, имеет не только гигиенический, но и символический смысл.

וַיֹּאחֲזוּהוּ פְּלִשְׁתִּים וַיִּנְקְרוּ אֶת־עֵינָיו וַיֹּרִידוּ אוֹתוֹ עִזָּתָהּ וַיֹּאסְרוּהוּ בְּנַחְשֵׁתַיִם וַיְהִי טוֹחֵן בְּבַיִת (הָאֲסוּרִים)
הָאֲסוּרִים:

Филистимляне схватили Самсона и выкололи ему глаза. Они привели его в Газу, заковали в кандалы, и пришлось ему молоть зерно в темнице.

Когда вавилоняне подавляют восстание в Иудее (586 г. до н.э.), последнего иудейского царя они тоже ослепляют, заковывают в кандалы и, согласно Септуагинте, отправляют «в дом мельницы»:

וְאֶת־עֵינָיו צִדְקִיהוּ עוֹר וַיֹּאסְרֵהוּ בְּנַחְשֵׁתַיִם וַיִּבְאֵהוּ מִלְּדָבְבַל בְּבִלְהָ וַיִּתְּנֵהוּ (בְּבַיִת) הַפְּקֻדָּת עַד־יוֹם מוֹתוֹ:

καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς Σεδεκίου ἐξέτιφλωσεν καὶ ἔδησεν αὐτὸν ἐν πέδαις καὶ ἤγαγεν αὐτὸν βασιλεὺς Βαβυλωνῶνος εἰς Βαβυλῶνα καὶ ἔδωκεν αὐτὸν εἰς οἰκίαν μύλωνος ἕως ἡμέρας ἧς ἀπέθανεν

А Седекию он [вавилонский царь Навуходоносор] ослепил и заковал его в кандалы. Вавилонский царь привел его в Вавилон и держал в тюрьме (по Септуагинте: на мельнице) до самой смерти (Иер 52:11).

В Плаче Иеремии (5:13), где тоже речь идет о разгроме этого восстания против Вавилона, молоть муку предстоит пленным иудейским юношам: **בְּחוּרִים טוֹחֵן נְשָׂאוֹ** «юноши несут жернов».

Почему пленника отправляют на мельницу? Молоть зерно — с одной стороны, рабский труд. В античных текстах отправка на мельницу — обычное наказание раба²⁵. С другой стороны, если речь идет о

²⁵ Например, у Плавта: «Псеводол», 494; «Перс», 420; «Пуниец», 824.

небольшом хозяйстве, где муку мололи на ручной зернотерке, то это труд женский. Ср. клятву в Иов 31:10:

אִם-נִפְתָּה לְבִי עַל-אִשָּׁה וְעַל-פֶּתַח רַעִי אֶרְבָּתִי:

תִּטָּחן לְאַחַר אִשְׁתִּי וְעָלֶיהָ יִכְרַעוּן אֲחֵרִין:

Если женщиной сердце мое соблазнилось и у чужих дверей я выжидал в засаде —
пусть для другого жена моя мелет, пусть с ней ложатся чужие!

В Месопотамии в больших хозяйствах муку мололи рабы, в малых — женщины. Военнопленных тоже заставляли молоть муку. Это не только эксплуатация, но и символическое низведение до уровня женщин и рабов. В письме Асархаддона Ашшуру рассказывается, что мятежный урартский царь Руса послал ему статуэтку, обернутую во вретиче, закованную в кандалы и с зернотеркой в руках. Это символ капитуляции²⁶.

Для Самсона работа на мельнице — логическое завершение того самого «подчинения», о котором филистимские цари спрашивали Далилу. Это подчинение происходило в каждом эпизоде связывания Самсона женщиной. Оно началось фактически с того момента, когда Самсон в начале нашего мифа влюбился в женщину.

Заключение

Как мифы об Исаве и Иакове, так и мифы о Самсоне описывают непримиримую вражду между миром чужих (Эдомом, филистимлянами) и миром своих (иудеями). В обоих случаях чужие изначально обладают властью: Исав, предок Эдома, был старшим, а филистимляне господствовали над Израилем. Это положение вещей, разумеется, неправильно с точки зрения того общества, в котором рассказывается миф. Скорее всего, это положение вещей наблюдалось в настоящем (в эпоху, когда эти мифы рассказывались), но миф проецирует его в далекое прошлое. Вот сейчас мы под властью соседей (или нам кажется, что они хотят нас подмять), но у нас есть миф, который нас утешает и сплачивает. В этом мифе говорится, что когда-то эти соседи уже были или пытались стать главными, но наш великий предок или герой отобрал у них власть или, по крайней мере, отомстил, перебил ослиной челюстью: спасибо деду за победу, и, если надо, повторим.

Для такого сюжета библейскому мифу нужен трикстер — герой, нарушающий правила. В одном случае это хитрый Иаков и его хитрая мать, с которой он тесно связан. Он покупает первородство, отбирает благословение. В другом случае трикстер Самсон затевает изначально неправильную свадьбу с филистимлянкой, загадывает неправильную загадку и в итоге устраивает побоище, а направляет это все другой трикстер, Яхве, который просто искал повода для ссоры с врагами.

Эти трикстеры разные. Иаков хитрый, Самсон — скорее странный и наивный. Поэтому, хотя «свой» герой-трикстер Самсон функционально вроде бы аналогичен Иакову, но по своему типу он оказывается удивительно похож на «чужого» Исаву.

- 1) Оба — brutальные, сверхмаскулинные и в то же время наивные.
- 2) Оба асоциальны: один — «человек поля», другой живет в пещере.
- 3) Исав волосат, Самсон тоже: его сила в волосах.
- 4) Оба успешно хозяйничают в мире зверей (один охотник, другой убивает льва), но плохо справляются с миром людей.
- 5) Оба одурачены при помощи женской хитрости.
- 6) Оба не получили то, что им должно было принадлежать (первородство, благословение, невесту).

Без женщины не обходится ни один из этих мифов, хотя ее роль разная. В мифе о первородстве женщины в буквальном смысле не было, хотя была женская роль Иакова. В мифе об отцовском благословении была женщина-интриганка, женщина-режиссер, направлявшая ход событий. В мифах о свадьбе Самсона и о Далиле у женщины роль более скромная: она не интриганка и не режиссер, а орудие филистимлян и в то же время орудие Яхве.

²⁶ K. van der Toorn. Judges xvi 21 in the Light of the Akkadian Sources // *Vetus Testamentum* 36 (1986), pp. 248–53.